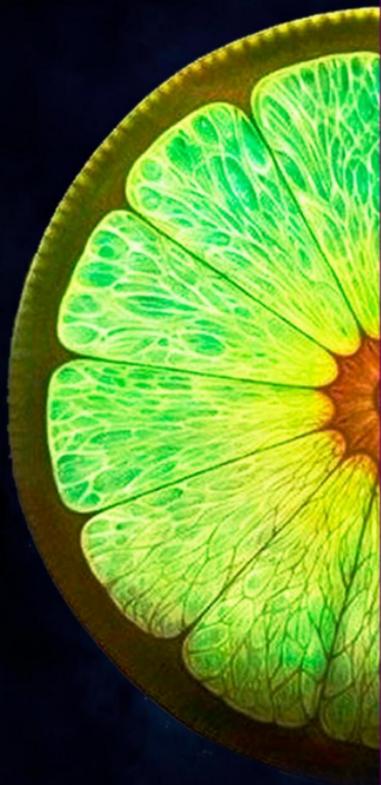

РУСЛАН ТЕМН

ПУРПУРНЫЙ РАССВЕТ
ЛИМОН НА СЧЕТУ

Руслан Темир

Пурпурный рассвет.

Лимон на снегу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69922237

SelfPub; 2023

Аннотация

Вы любили в детстве ставить эксперименты? Уверен, что да. Дымовухи, самодельные петарды, батарейки из картошки или цитрусов. Вот и Кир любит. Он не совсем обычный мальчик, точнее совсем необычный. Он не знает никаких чувств, кроме любопытства и страха, и не понимает, что чувствуют другие. Зато он обладает гениальным интеллектом, который, правда, не очень нужен стране в тяжелые 90-ые. Но куда может зайти ребенок с уникальной жадой экспериментов и выдающимся интеллектом? От Автора: Повесть в дух Хайнлайна и Булычева, но более глубокая и задумчивая. Еще бы, главный герой – мальчик-индиго, ставший среди сверстников белой вороной, и воспринимающий мир через свою призму ощущений и чувств. Повесть полностью закончена, но история Кира нет. Это произведение является предысторией ко второму тому "Пурпурного рассвета", где Кир сыграет не главную, но далеко не последнюю роль.

Содержание

Глава 2	25
Глава 3	59
Глава 4	77

Руслан Темир

Пурпурный рассвет.

Лимон на снегу

Глава 1

Сколько людей называли меня фантазером, как насмеялся над моими идеями наш заблуждающийся близорукий мир. Нас рассудит время.

Никола Тесла

Звонок противно резанул по ушам. Кир вздрогнул и посмотрел на стальной корпус допотопного устройства. Он не любит звонки, любые: телефонные, дверные, школьные, они никогда не несли ничего хорошего. Каждый раз, когда слышал эти мерзкие механические трели, все тело содрогалось и покрывалось мурашками. Где-то в животе начинал копошиться холодный червь тревоги, уходящий хвостом в туманные воспоминания, но сколько не силился вспомнить, чем они так пугают, не находил ничего, кроме ноющей головной боли.

– Опоздаешь на урок! – Пожилая учительница вышла из преподавательской и остановилась в дверях, обжигая осуждающим взглядом.

Кир посмотрел на пустой школьный коридор с коричневым протертым полом, пересекся глазами с учительницей и нехотя побрел к классу. Прямо перед входом на секунду замер и задержал дыхание. По шее противными сороконожками побежали уколы страха. Дверь, покрытая старческими морщинами сотен слоев краски, предательски скрипнула, и двадцать пар глаз повернулись к опоздавшему. Глубоко вдохнул и задержал дыхание. Несколько шагов отделяют от парты. Несколько шагов перед всем классом. Учитель стоит спиной и пишет на доске тему урока. Кусок мела в шершавых пальцах скользит по доске, скрипя и осыпаясь белой пылью. Кто-то громко чихает на последней парте. Несколько шагов. Может, не увидят или не обратят внимания. Нога нехотя делает первый шаг.

– Лесной! А спросить разрешения у учителя? – Алексей Иванович повернулся к опоздавшему. Затертый пиджак на мешковатом теле, испачканные мелом рукава, синяки под глазами и мелкая сетка капилляров на носу. – В следующий раз стучись. Иди на место и не крадись как мышь.

Щелчок и зажигаются софиты. Кулисы распахиваются и

оставляют его посреди огромной сцены. Двадцать зрителей, застывшие в ожидании представления, устремили свои взгляды на одинокого актера. Кир не видит детей, он видит только их глаза, огромные глазные яблоки с тонкими прожилками кровеносных сосудов пристально следят. Сердце разгоняет ритм по экспоненте, волнами охватывает то озноб, то приступ жара. Пальцы противно липнут друг к другу от выступившего пота. Шаг. Скрип ссохшейся половицы разрывает пространство на части. Существо Кира сжимается до размеров кошки. Парты, учитель, стены вытягиваются и схлопываются над головой в сферический купол. Зажмурив глаза, собирает остатки воли и делает еще несколько шагов. С каждым сантиметром идти становится легче, словно выходишь из илистого берега. Окружение возвращается к реальному размеру, сердце успокаивается, пот переходит в следующее агрегатное состояние вещества.

Добравшись до парты, Кир освободился от тянущих лямок рюкзака и укрылся в нососе своего привычного места. Облупившаяся поверхность парты, покрытая вязью замысловатого узора, который, как амулет, ограждала его от внешнего мира. Робко окинув взглядом одноклассников, увидел, что никто не смотрит, лишь Алексей Иванович изредка бросает раздраженный взгляд, в нетерпении – когда же опоздавший усядется.

Опять страх. Вторая эмоция, которая знакома Киру, первая – любопытство. Любовь, ненависть, презрение, зависть, любое другое чувство, знает только из книг, но никогда не испытывает и не понимает, что чувствуют люди. Каждый раз силится угадать по мимике, жестикуляции и тону голоса, но почти всегда ошибается. Поэтому не может выстроить цепь взаимосвязи поступок – эмоция. Он не знает, чего ждать от людей, чего они хотят и каковы мотивации их поступков. Что-то в мозгу сломано, какая-то тонкая связь нарушена. Именно из-за этой поломки боится всех, а моменты, когда он становится объектом всеобщего внимания, вызывают приступы панического ужаса.

– Лесной! Ты готов выйти к доске? – Голос Алексея Ивановича вернул обратно.

"Культура раннего Возрождения в Италии" крупными буквами на всю доску. В голове поплыли образы: картины с обилием складок на драпировках и одежде, пестрые цвета, статуя Давида, палаццо и виллы с арками и колоннами, фамилии Боттичелли, Мазачо, Донателло. Память, как послушная прислуга, достает с полок информацию и прокручивает на проекторе внутреннего взора. Каждая дата, имя, событие, все, что, когда-либо читал, слышал, всплывают в голове ментально.

– Кир, я тебя спрашиваю? – Учитель подошел к парте и навис с угрюмым укором. Внимание класса опять сосредоточилось на Лесном.

Сверлом врезался истошный писк, набирающий громкость. Кир знает, что слышит это только он. Изображение стен, учеников, парт начало дрожать, как песок на низкочастотном динамике.

– Нет, я не успел выучить. – Быстрее избавиться от этих взглядов, сделать так, чтобы все забыли любой ценой.

– Опять? Может, хоть раз выйдешь к доске и расскажешь? Письменные задания делаешь отлично, почему же не можешь ответить у доски. – Алексей Иванович вздохнул и перевел взгляд на других, ритмично похлопывая указкой по руке. – Кто готов отвечать?

Взметнулся лес рук, и учитель вернулся за свой стол, пригласив одного из желающих. Кир выдохнул и зажмурил глаза. Страх угасает алым угольком в потухшем костре. Спокойствие. Такое обволакивающее и размеренное. Одноклассники и Алексей Иванович забыли, погрузившись в научные открытия и изобретения средневековья. Умиротворение обвило худощавое тело ребенка мягкими лапами и обняло, словно соскучившийся родитель. Кир вытащил из рюкзака ша-

риковую ручку и продолжил дорисовывать витиеватые узоры на парте. Миллиметр за миллиметром. Маленький шарик на кончике ручки чуть продавливал лакированную поверхность и оставлял за собой синий след. Лесной не знает, что значат узоры, и не придает им никакого значения, просто отключает сознание и пускает руку в свободный полет. Вязь рождается сама по себе, постепенно закрывая чистую поверхность. За этим занятием уроки пролетают незаметно. После очередного раздражающего звонка на перемену Кир всегда остается в классе, в отличие от других детей, которые спешат покинуть школьные казематы. Он достает учебники, раскладывает их в определенном, понятном только ему, порядке и читает очередную книгу. Зачастую это серьезные, взрослые произведения или научные книги, которые вряд ли заинтересуют одиннадцатилетнего ребенка. Но Кир читает с упоением, маскируя от чужих глаз обложкой, вырезанной из куска старых обоев.

Учебный день проходит без эксцессов, урок истории сменился русским языком и биологией. Перемены отсиделся в классе, увлеченный чтением. В столовую не ходил, избегая гомонящей толпы. Оставшись один в классе, достал завернутые в газету ломтики хлеба с маслом и сахаром. Ел только для утоления голода, удовольствие от вкуса так же чуждо, как и другие чувства.

После уроков предстояла сорокаминутная поездка на старом ПАЗике домой. Сельский центр, где находится одна на всю плеяду поселков школа и маленькое, не больше тысячи жителей, село, разделяет узкая дорога, проходящая по перевалу. Покатые горы, изрезанные зубьями каменистых утесов и обрывов, топорщатся в небо грабовым лесом с бурой подложкой из полусгнивших листьев. Кир мог бесконечно рассматривать частокол облысевших деревьев, они успокаивают так же, как узоры на парте.

Начало зимы давало о себе знать: пронизывающий ветер, температура, близкая к нулю, легкий морозящий дождь. Влажность воздуха только усугубляет: температура плюс пять ощущается, как минус пять. Такие метеорологические изыски заставляют съеживаться и дрогнуть. Люди на остановке как озябшие воробьи сбились в кучу под навесом, с надеждой высматривая автобус. Кир держится чуть поодаль, предпочитая тесной компании мокнуть под дождем. Зеленый анорак немного спасает от сырости и ветра, но он все равно порядком замерз. Капли дождя гулко барабанят по капюшону и рюкзаку, заглушая почти все остальные звуки.

Автобус приехал с опозданием на полчаса. Скрипнули тормоза, и компрессор с шипением открыл дверь гармошку. Обдало облаком выхлопных газов и запахом бензина. Люди у входа толкаются и галдят, стараясь как можно быст-

рее проникнуть в чрево автобуса. Дождавшись, пока последний скроется в проеме двери, Кир поднялся по ступеням и осмотрел салон. Пассажиры расселись ближе к выходу, дальняя часть салона пустует, лишь на одном сидении, молча уставившись в окно, сидит старуха. Дерматин кресел неприятно укусил холодом ладони. Лесной сел в самом конце и уткнулся в окно. Стекло быстро запотело от дыхания и спрятало все за дымчатой поволокой. Кир вытянул палец и ткнул в центр запотевшего пятна, несколько раз покрутив на месте, начал выводить вензеля и изгибы, повторяя узор с парты.

– Опять рисуешь? – Отвлек трухлявый голос старухи.

Кир посмотрел на сидящую рядом пожилую женщину и вернулся к росписи.

– Смотри, скоро ремонт в школе, парты заново покрасят, и твои каракули исчезнут. – Старуха громко закашлялась и прижала к губам кулак.

Лесной опять повернулся к бабушке, осмотрел внимательно с головы до ног. Другого человека вид старухи явно бы оттолкнул: телогрейка с засаленными пятнами на рукавах, черно-алый платок с зелеными цветами, из-под которого выбиваются грязные седые волосы, мясистый нос лилового цвета, нависающий над одряхлевшими, непрерывно дви-

гающимися губами. Один глаз сощурен и покрыт белесой катарактой, второй почти в два раза больше. Зрачок увеличенного постоянно двигается, как оса, пойманная в банку. Кир, как ни странно, реагирует на нее абсолютно спокойно, словно давно знает. Он вздохнул и отвернулся обратно.

– Опять нарисую. – Несколько раз шумно выдохнул, расширив запотевшее пятно.

– Это ладно, вот что с "Лимоном" делать будешь? – Старуха достала из кармана желтый цитрус и принялась грызть, как яблоко, ни разу ни скривившись.

– "Лимон" заработает, не так много осталось. – Кир на секунду замер, нарисовал в воздухе несколько символов, примеряясь, и повторил их на стекле. – Совсем немного.

– Ну да, заработает. Сколько это уже твердишь? – Подняв с пола клетчатую сумку, старуха поставила ее на сидение и раскрыла. – Герда, я тебе лимончик оставила, вылазий.

Кир повернулся посмотреть, с кем разговаривает бабушка. Из сумки показался маленький бежевый нос, несколько раз дернулся, втягивая воздух, и скрылся обратно. Через мгновение пушистая молния промелькнула по руке и шее бабки и оказалась у нее в ладонях. Горностай схватил перед-

ними лапками остаток цитруса и принялся грызть. Лесной протянул руку и притронулся к кончику пушистого уха. Зверек отдернулся и начал верещать на весь автобус.

– Не бойся, он всегда так кричит, когда ему что-то не нравится. – Старуха погладила горностая по пушистой спинке. – Ну все, Герда, успокойся. Нашла вчера на рынке в коробке из-под фиников.

– Как ты могла его найти, если ты просто плод моего воображения? – Потеряв интерес, Кир вернулся к росписи окна.

– Хватит быть таким буквой! Плод воображения! Я, кстати, единственная, с кем ты можешь поговорить, ценил бы это, – старуха раздраженно заерзала на кресле. Убрав мешающую сумку, кряхтя и охая, сложила ноги в позу лотоса и откинулась на спинку. – Я тут, собственно, не просто так, мне тебе кое-что показать надо.

Кир повернулся и вопросительно посмотрел. Бабка жутко улыбнулась, обнажив последние пожелтевшие зубы, и ткнула узловатым пальцем прямо в центр лба мальчика.

Мир свернулся в точку и погас, как изображение на телевизоре с кинескопом. Секунд на десять начался "белый шум". Лицо ужалили мириады мелких холодных укусов. Пе-

ред глазами закружили тысячи снежинок, сплетающихся в тугие струи пурги. На мгновение показалось, что он на севере, но знакомые здания дали понять, что он в родном селе. Снега много, даже очень. Кир ошарашенно осмотрелся по сторонам и никак не смог сориентироваться. Снег – редкое явление в этих краях, зимой температура редко опускается ниже пяти. Щупальца холода пробрались за воротник и рукава и погнали стаи мурашек по всему телу. Клубы пара изо рта перекрыли обзор. Сделав пару шагов, чуть не упал. Толстый покров снега, выше колена, затягивает ноги не хуже мокрого песка. Высоко поднимая колени почти до пояса и помогая себе руками как при плавании, Кир все же добрался до ближайшего здания. Серая одноэтажная коробка закусочной выглядит заброшено. От мороза витринное окно, заменяющее переднюю стену кафе, полностью покрылось узорчатым слоем льда. Дверь поддалась с трудом, металлические петли смерзлись от холода.

Внутри темно и ничуть не теплее чем снаружи. Тусклый свет с улицы отвоевывает у темноты лишь малую часть зала. Постояв несколько секунд, чтобы глаза привыкли к темноте, Кир добрался до выключателя и попытался включить свет. Щелчок. Ничего. Еще пара переключений для уверенности. Все равно ничего. Только сейчас обратил внимание на холодильник, стоящий у кассы кафе – молчит. Нет электричества. Решив проверить, есть ли кто-то в здании, двинулся к

двери за стойкой, но на полпути споткнулся и больно упал на пол. Дорогу перегораживает бесформенная куча тряпья, частично скрытая мраком. Не вставая, Кир подобрался поближе и тут же отпрянул назад. Среди курток и телогреек, шапок и косынок, одетых друг на друга, проглядывалось синее окоченевшее лицо. Нос трупа почернел, челюсть перекошена, словно застыла в крике. Кир как можно быстрее подскочил на ноги и выбрался наружу. Вокруг никого, не единой живой души, улицы обезлюдили и напоминали заброшенную полярную станцию из фильма "Нечто".

В окне амбулатории через дорогу промелькнул тусклый огонек, словно от свечи. Лесной не понял, увидел он его на самом деле или ему показалось. Спустившись по ступеням, двинулся через улицу, удовлетворить свое любопытство, переборовшее страх. На полпути зацепился ногой об предмет, скрытый под белой периной, и со всего хода рухнул в снег. Дыхание перехватило. Лицо обожгло, он инстинктивно зажмурился. Холод отступил так же внезапно, как и нахлынул. Открыв глаза, Кир увидел все тот же салон автобуса и запотевшее окно с рисунком. Старухи нет, но в воздухе еще висит запах лимона.

Потерев лицо, немного оклемался. Подобные приступы не в новинку, первый случился в три года, но привыкнуть к ним не получалось. Каждый раз видел короткие отрывки будуще-

го, как знак или предупреждение. Зачастую события в видениях были не существенны: поездка в школу будет напрасна, так как там отключили свет; в магазин идти бессмысленно, хлеб уже разобрали; школьный автобус сегодня не приедет – полетел двигатель. Каждое несло в себе предупреждение, незначительное, но облегчающие жизнь. Сегодняшнее вызвало в нем страх, оно не предупреждало, а кричало о необратимой катастрофе. Зима, уже стоящая на пороге, преподнесет сюрприз, к которому никто не готов. Стрелки термометров упадут намного ниже обычного. Водопроводы, отопление, энергосети в районе не рассчитаны на такие морозы и просто не выдержат. Если отключат электричество и газ, саманный дом Лесного промерзнет за час, обрекая на верную смерть. Необходимо закончить и запустить "Лимон" во что бы то ни стало. Только его изобретение, над которым работает два года, может спасти от надвигающейся беды. Увиденное подстегнуло, отменяя все обыденные дела на задний план, заставляя уйти с головой в работу над "Лимоном".

Автобус остановился возле остановки. Шипение компрессора вернуло в реальность. Привычный маршрут: остановка – магазин – дом. Грузная женщина в белом переднике узнала сразу и принялась снимать с полок продукты. Гречка, рис, тушенка, сахар, масло. Неизменный набор продуктов. Кир протянул две купюры в десять тысяч рублей. Отсчитав сдачу, продавщица передала пакет и проводила необычного по-

купателя взглядом. Малец всегда ее немного пугал, особенно взгляд – не ребенка, а старика.

От центра до дома около километра, но его маршрут длиннее – старался обходить оживленные улицы. Сегодня слишком торопился и пренебрег безлюдным маршрутом. Привычно скрипнула калитка. Мама, как всегда, молча сидела перед телевизором. Не обернулась на звуки в прихожей и вообще не отреагировала на возвращение сына. Последние несколько лет она находится в состоянии, близком к катоническому ступору. Самостоятельно совершала лишь элементарные действия, которые у людей записались в подкорку: поесть, сходить в туалет, принять душ. Как кукла на механическом заводе, без эмоций, слов и контакта с внешним миром. Такие же безучастные и стеклянные глаза. Поседевшие волосы, которые ему приходится расчесывать каждый день, придают матери старушечий вид, хотя ей всего немного за пятьдесят. Кир был поздним ребенком, и мать, даже когда она была нормальной, часто принимали за бабушку. На пенсию она вышла рано, работа на вредном производстве помогла, и все свободное время посвятила ребенку, пока была на это способна. С каждым годом ее состояние ухудшалось, она начала забывать элементарные вещи, теряться в доме, постепенно перестала разговаривать. Поначалу было сложно, но отсутствие эмоции помогла справиться с нехваткой материнской заботы, инстинкт выживания заставил при-

способиться к самостоятельной жизни. Возможно, если отец был бы рядом, то жизнь была бы легче. Но его не было, ни фотографий, ни писем, ни документов о браке, вообще ничего. Даже в свидетельстве о рождении стоял прочерк. Мама всегда уходила от разговоров о нем, а сейчас и тем более не расскажет.

Холодильник обдал холодом. Уложив продукты на почти пустые полки, Кир разогрел суп из гречки и тушенки. Готовил сам, поэтому блюда были просты и бесхитростны. Накрыл на стол торопливо, мысленно уже давно был в своей лаборатории. Усадил маму на стул и вставил в руку ложку. Медленные автоматические движения и отрешенный взгляд в никуда. Один в один механическая кукла из бродячих цирков начала прошлого века. Последний год он начал одевать ей детский передник, устал перестирывать заляпанную едой одежду. Много раз пытался приучить ее есть самостоятельно, но все попытки потерпели фиаско. Обеды, завтраки и ужины превратились в ритуал: посадить, накормить, умыть. Себе сделал два бутерброда – обычный хлеб с маслом и сахаром, треугольник молока – запить сухомятку. Все мысли крутились вокруг "Лимона". Сроки поджимают, видение может сбыться в любой день. Управившись, уложил маму на диван перед телевизором и отправился на задний двор.

Небольшой сарай, оббитый снаружи посеревшими доска-

ми, не привлекал внимания и больше походил на коровник. Кир открыл амбарный замок. Щелкнул выключатель, и под потолком загорелись два ряда люминесцентных ламп. Внутри сарай больше походит на цех по производству электроники, чем на сельскую хозпостройку. По правой стороне тянется длинный верстак, собранный как пазл из небольших кусков нержавеющей стали, заставленный устройствами и приборами, похожими на радиолокационные. Слева – деревянные стеллажи, заваленные деталями, катушками и емкостями с непонятым содержимым.

Лабораторию Кир начал делать несколько лет назад. Стройматериалы тащил с территории заброшенного военного дома отдыха. Много полезного он набрал в школе: лаборатории физики и химии упразднили, оборудование перенесли в сарай на отшибе, куда он и захаживал. Колбы, реагенты, приборы, все, что могло пригодиться в опытах.

В дальнем конце сарая, возвышаясь почти под потолок, стоит "Лимон". По сути это реактор на основе управляемого термоядерного синтеза. Годы кропотливой работы и собирательства. Каждую запчасть тщательно искал, подбирал и подгонял. Что-то пришлось заказывать у местных слесарей, что-то делать самому. Почти все свободное время и крохи сэкономленных денег уходят на него. В центре, между большими магнитными катушками, прозрачная вакуумная каме-

ра. В ней должна протекать термоядерная реакция в облаке раскаленной плазмы, удерживаемом в безопасном расстоянии от стенок за счет магнитного поля. Проблему с питанием электромагнитов Кир решил, запустив излишнюю энергию по вторичному контуру, сделав что-то вроде замкнутого кольца. Но вот стабильную реакцию никак не удавалось получить. Через несколько секунд после старта работа реактора выходила из-под контроля и плазменное облако либо исчезало, либо приходилось принудительно гасить, чтобы избежать разрушений.

Мозг выдавал новые варианты: заменить топливо для реакции, попробовать с магнитным полем. Раньше им двигало только любопытство, но теперь включился инстинкт выживания, и работа закипела с новым темпом. Работы много, а возникшее ограничение по срокам подгоняет. Включил кассетник "Весна", и электронные мотивы Клауса Шульце заполнили все пространство минилаборатории. Музыка действовала на него так же, как и рисование на парте, отгораживая от реальности и помогая сконцентрироваться. Воздух наполнился запахом озона, волосы встали дыбом от статического электричества. Каждый раз, когда Кир уходил с головой в процесс, он забывал о времени, лишь будильник сообщал о том, что необходимо покормить маму или заканчивать работу. Будильником он был только по функции, по сути это был таймер, подключенный к одной из ламп на потолке, на-

чинающей моргать в установленное время. Сегодня Кир проигнорировал настойчивое мерцание. Все попытки получить стабильную работу венчались неудачей. Забыл даже о бутербродах. Другой человек уже вышел бы из себя, но отсутствие эмоций шло на пользу. Сохраняя монументальное спокойствие после каждой неудачной попытки, начинал эксперимент с начала, тщательно записывая каждый шаг.

Отвлекли только начавшие слипаться от усталости глаза. Мочевой пузырь готов лопнуть, и Кир все же решил сделать перерыв. Открыв дверь, никак не ожидал увидеть рассветное небо. Быстро пробежал по покрытому инеем двору и юркнул в дом. Настенные часы показывают пятнадцать минут седьмого. До школьного автобуса полчаса. Покормить маму, принять ванную, собраться – минимум час. Прокрутив в голове цепочку событий и выкинув наименее важные дела, спешно переоделся, быстро сообразил завтрак и уже через двадцать минут выбежал из дома, на ходу застегивая куртку. Живот предательски урчит, напоминая о том, что ел еще вчера, но Кир просто игнорирует требования своего организма. Утренний воздух клубами пара вырывается из рта, затрудняя и так плохую видимость в предрассветном сумраке. Силуэт остановки, фигуры людей кутающихся в куртки успокоили – автобус еще не ушел. Шум уставшего двигателя, скрип тормозов, шипение компрессора и холодный дерматин сидений. Лесной отчужденно посмотрел в окно, стара-

ясь максимально отгородиться от происходящего в автобусе. Рядом взгромоздился толстый мужчина со стойким перегаром и запахом немытого тела. Посмотрев на ребенка, мужчина сильнее сдвинулся к окну, почти придавив мальчишку к стеклу, сцепил пальцы на животе и засопел. Кир равнодушно окинул взглядом соседа, чуть поерзал, стараясь сесть удобнее, и отвернулся.

Дверь школы, за которой опять перегорела лампочка, поглощает детвору как пылесос мелкий мусор. Постоял в стороне, дожидаясь, когда основная толпа схлынет, и лишь затем, опустив голову в пол, прошел в класс. Все эти массовые скопления детей в школе вызывали в его сознании одну ассоциацию. Когда ему было года три или четыре и мама еще была в рассудке, они поехали в гости с ночевкой. Тетя Наташа, мамина подруга, слыла любительницей домашних питомцев, но самой большой ее гордостью была большая клетка с яркими экзотическими попугаями. В тот вечер птиц на ночь накрыли плотным покрывалом, чтобы они не мешали гостям спать. Утром Кир встал раньше всех и решил рассмотреть пернатых, пока взрослые не встали. Немного старания, и покрывало упало с клетки, как театральная кулиса. Попугаи, завидев утренний свет, показали причину своего ночного заточения. Начали метаться по клетке, хлопать крыльями и издавать все возможные звуки, на которые были способны. Сейчас класс напоминал именно такую клетку, с

которой сдернули покрывало. Гвалт детских криков, топот, громкий смех, какофония эмоций.

Кир, стараясь быть незаметным, прокрался вдоль стены и уселся. Одноклассники, как обычно, не обращали на него внимания. Слава нелюдимого психа иногда помогала. Школьники побаивались угрюмого и вечно серьезного мальчика. В младших классах, как это всегда и бывает, пытались донимать, доводя дело до драки. Только в отличие от обычных детских потасовок, стычки с Киrom были намного ожесточеннее. Он не испытывал сострадания к противнику и воспринимал драку как угрозу жизни. Невосприимчивость к боли и решительность превращали детскую потасовку в жестокий бой. После пары таких случаев сверстники решили просто игнорировать чудаковатого.

Достав из рюкзака ручку, продолжил рисовать узоры, мысленно прокручивая в голове ход реакции "Лимона". Воображение отрывало кружева чернил от поверхности парты и выстраивало из них объемную конструкцию, подсвеченную, подобно северному сиянию. По синим стеблям узоров пробегали голубые искры, оживляя всю решетку и делая ее похожей на изображение нервной системы из научных фильмов. Мысли прояснились, суета и шум утихли за иллюзорной оградой. Закусив нижнюю губу и чуть сощутив правый глаз, Кир выстраивал в голове новые варианты испытаний

реактора.

Резкий хлопок, и синяя решетка растаяла в воздухе как клубы дыма. Иглы страха впились под ногти и заставили ладони сжаться в кулаки. На парту перед ним опустилась рука учителя.

– Лесной, ты вообще меня слушаешь? – Несвежее дыхание с запахом сигарет ударило в лицо.

Подняв глаза, увидел все то же обрюзгшее лицо, синяки под глазами и сетку капилляров на побагровевшем от злости носу.

– Мало того, что к урокам не готовишься, так еще и порчей имущества занимаешься? – Указательный палец несколько раз нервозно ткнул в узоры. – После уроков жду в кабинете завуча!

Глава 2

Женщина средних лет с собранными в гульку на макушке волосами перелистывает классный журнал, качая в пальцах карандаш. Алексей Иванович стоит рядом, скрестив руки на груди, и изредка указывает на что-то в журнале. Женщина вздыхает, бросая укоризненный взгляд на Кира и записывая что-то на листок.

– И что мы будем делать? – Завуч, захлопнула журнал и вопросительно уставилась на ребенка.

Он никогда не понимал, зачем взрослые задают такие глупые вопросы.

«Что мы будем делать? Вы, после уроков, поедете домой и забудете о том, что моя успеваемость сильно скатилась, ровно до того момента пока не приедет комиссия из ГОРОНО или очередной учитель пожалуется на меня. Я же продолжу заниматься тем, чем и занимался, но постараюсь больше не привлекать к себе столько внимания и опять приведу свою успеваемость к среднему показателю». Хоть в голове Кир и знал ответ на этот риторический вопрос, но лишь молча пожал плечами.

– Вот и что ты предлагаешь? – Завуч театрально вздохнула и закатила глаза. – Твоя мать, уже и не вспомню, когда последний раз появлялась на собрании.

Мурашки страха пробежали по коже, и Кир подскочил со

стула.

– Мама болеет, спина, долго сидеть на одном месте не может. Поэтому тяжело ей сюда приезжать. Я постараюсь исправить оценки, не беспокойте маму. – Страх того, что раскроют недееспособность его матери, пересилил страх людей. – Пожалуйста!

– Хорошо, хорошо! – Женщина опешила от такой резкой смены в настроении ребенка и попыталась его успокоить. – Раз болеет, не будем ее обязывать. Но и ты будь добр, иди нам на встречу. Не давай поводов для ее беспокойства.

Кир в ответ быстро закивал головой, сжимая в руках лямку рюкзака.

– Ладно, беги на автобус, а то опоздаешь. Но помни, до конца четверти ты под пристальным вниманием и спрашивать тебя будут чаще! – Завуч кивнула на дверь. – Можешь идти!

Второй раз ей говорить не пришлось, Кир чуть ли не бегом вышел в коридор и направился к выходу из школы. Как только дверь за его спиной закрылась, Алексей Иванович пересел на освободившийся стул.

– Ну и что думаешь Вер?

– Ой, не знаю Леша. Станный он очень. А ты видел, как он отреагировал, когда я про мать с ним заговорила? – Алексей Иванович кивнул. – Что-то там не так. Может, бьет она его, поэтому он такой зашуганный и нелюдимый.

– Может быть, я сам не знаю, он вообще людей шарахает-

ся, как дикий котенок.

– Давай наведаемся к ним в гости. Возьмем Татьяну Александровну, она хоть и терапевт, но вдруг что подскажет, если у нее реально спина больная. Задано выясним все.

– Согласен, давай только ближе к выходным. Я как раз резину поменяю, говорят, заморозки уже скоро будут.

Всю обратную дорогу Кир продолжил ломать голову над запуском «Лимона». Вроде вся схема работает правильно, плазму удастся получить, но она слишком не стабильна и удержать ее в магнитом поле не удастся. Он понимает, что это вызвано нестабильностью используемых элементов для получения плазмы, но он перепробовал уже все доступные элементы из таблицы Менделеева. Это тупик. Единственное, что остается, это варьировать мощность магнитного поля и интенсивность нагрева плазмы, но Кир прекрасно понимает, что это лишь самоутешение, которое не даст больших результатов. Перед глазами проплывают картины из видения: занесенные снегом пустынные улицы, темные оконные проёмы промерзших домов, заледеневший труп в куче тряпья в кафе. На долю секунды увидел лицо мертвого человека из видения. Сейчас, сидя в автобусе, когда сознание не затуманено видением, смог вспомнить, что замерзшим человеком был он сам. Опять страх. Животный, первобытный страх. Кир понимает, что это всего лишь инстинкт самосохранения сигнализирует организму, о необходимости активизировать-

ся для выживания, но перебороть это чувство все равно не может. Внутренности слиплись в один комок и начали медленно подниматься к горлу, стягивая ледяными жгутами живот и грудь. Мальчик закрыл глаза, вспоминая так успокаивающие его узоры на парте, и сделал несколько глубоких вдохов ртом. Сухой, раскаленной печкой воздух внутри автобуса моментально высушил губы и неба. Он облизнул их шершавым языком, пожалев, что впопыхах забыл дома термос с чаем.

Кир ненадолго задумался о своем отце, ведь если бы их семья была полноценной, у него бы было намного меньше проблем. Ему бы не пришлось ухаживать одному за мамой и тащить на себе все хозяйство. Возможно мама бы вообще не заболела. Может она стала такой из-за его отклонений? А что если папа бросил их, когда узнал что сын не такой, как все? Слишком много вопросов, ответов на которые он, вероятно, никогда уже не получит.

Продавщица в магазине встретила все тем же настороженным взглядом.

– Мне минералку. – Кир указал рукой на ряд зеленых бутылок, сиротливо стоящие на почти пустых полках магазина.

Продавщица удивленно вскинула брови и поставила на прилавок напиток.

– Откроете? – спросил Кир, протягивая помятую купюру. Достав из-под прилавка затертую открывалку, привязанную бечевкой к весам, женщина открыла бутылку и отсчи-

тала сдачу.

Солоноватый вкус минералки приятно смочил рот. Пузырьки газа чуть покалывают пересохшую гортань, но Кир все равно продолжает жадно пить.

– Смотри не поперхнись. – Знакомый старушечий голос проскрипел из-за спины.

Мальчик даже не сбавил шаг, лишь оторвался от бутылки и вытер рукавом губы. Старуха довольно быстро поравнялась с ним и пошла по левую руку, то и дело, заглядывая ребенку в лицо. В руках она крутит большой спелый лимон, то поглаживая его, то чуть царапая грязными ногтями. Хорек пушистой молнией бежит под ногами бабки, время от времени забираясь ей на плечи и так же быстро спускаясь обратно.

– Что молчишь? – Старуха ловко подкинула лимон в воздух и поймала его другой рукой. – А-а-а, понятно. Перепугали учителя мальчонку?

– Отстань.

– Иль замерзнуть боишься? А может и то и другое вместе. Ну, хоть бояться то ты умеешь, не совсем деревянный.

– Я же сказал, отстань.

– А если не отстану, то что? Прогонишь меня или убежишь? – Бабка ехидно улыбнулась, обнажив несколько гнилых зубов на голых деснах.

Кир громко вздохнул, засунул бутылку в карман анорака и прибавил шагу.

– Лимон никак не расцветет? Совсем ты застопорился. Проще надо быть. Думаешь слишком много. – Старуха надкусила лимон и еще раз подкинула его в воздух. Хорек спрыгнул с ее плеча и перехватил цитрус прямо на лету.

– Я уже все попробовал. Может его вообще не реально запустить.

– А точно все? Слишком узко смотришь. Очевидное то прямо перед носом.

Кир посмотрел на собеседницу, которая чуть прищурившись, разглядывает зверька, грызущего лимон. Старуха выглядит так, словно знает очевидный ответ на проблему «Лимона». Но ведь она же просто плод его сознания, и если знает она, то знает и он.

На долю секунды он потерял равновесие, не заметил торчащий кусок асфальта на тротуаре прямо под ногами. Несколько неуклюжих шагов и взмахов руками помогли устоять на ногах, только минералка расплескалась из открытой бутылки и намочила куртку. Потерев мокрое пятно руками, Кир осмотрелся по сторонам, старуха исчезла так же внезапно, как и появилась. В этот раз видений после ее ухода не последовало, и он облегченно выдохнул.

Мама сидит ровно на том же месте, где он ее и оставил, лишь полупустая тарелка с завтраком и шум включенного крана в туалете говорят о том, что она вставала.

Кир молча разделся, оставил рюкзак у входа и выключил

воду. Состояние мамы становится только хуже и хуже. Раньше она могла что-то достать из холодильника и самостоятельно поесть, сейчас она начала забывать выключать воду за собой, выключать свет в комнатах и оставляет открытыми двери. Кир убрал со стола, отвел мать в комнату и усадил перед телевизором. Щелчок, еле слышный звон и кинескоп медленно посветлел, показав мужчину в костюме, читающего с бумажки очередную сводку новостей. Оставив рядом с мамой стакан воды, он вернулся на кухню. До ужина у него еще часов пять, так что можно погрузиться в работу. Подкинув дров в почти погасшую печку, он вернулся на кухню и сообразил себе поесть. Все те же бутерброды с сахаром и маслом и молоко в треугольнике заменяют ему почти всю еду.

Гудение люминесцентных ламп, которое перестаешь слышать через минуту и миналабораторию залил холодный свет. Скинув в мусорное ведро вчерашние бутерброды и прокисшее молоко, он поставил на стол свежее и включил магнитофон. Хоть музыка и не вызывает у него никаких эмоции, но именно электронные мотивы Шульце помогают настроиться на работу.

Стрелка часов бежит неумолимо быстро. Солнце давно опустилось за ломаную линию гор и теперь улицу освещают только тусклые лампы фонарей. Кир не вставал из-за стола, исписав уже больше сотни листов, которые уже лежат по всем поверхностям лаборатории. Но решение так и не идет.

Одна из ламп на потолке начала мигать, напоминая, что подошло время к ужину, но он опять ушел с головой в вычисления и не заметил этого. Лишь ближе полуночи, когда выпитое молоко дало о себе знать, он оторвался от ручки и посмотрел на часы.

– Мама!

Первое на что он нарвался, когда вбежал в дом, это тонкий слой воды по всему полу. Мама сидит за кухонным столом, монотонно раскачиваясь и громко мыча. Её левая рука залита кровью. Из переполненной раковины на кухне вода стекает на пол и лишь благодаря высоким порогам залила только кухню и прихожую. Выключив воду, мальчик подбежал к матери и первым делом осмотрел ее руку. Порез на ладони неглубокий, кровь уже успела остановиться.

– Прости мам! Прости. – Кир постарался успокоить маму, обрабатывая и заклеивая пластырем рану. – Я больше не забуду, только прости, пожалуйста!

Мама продолжает раскачиваться, но мычание становится тише и спокойнее. Стерев остатки крови с ее рук влажной тряпкой, он отвел маму в комнату и усадил перед телевизором. На секунду она посмотрела ему прямо в лицо. Где-то глубоко в её глазах он увидел смутный проблеск сознания, но это длилось такой короткий миг, что вполне могло показаться.

«Это должен делать не я! Папа, где ты? Почему тебя нет рядом, когда ты так нужен?» Мысли об отце, как всегда, по-

лезли в голову. Как человек в трудную минуту обращается мысленно к богу, Кир всегда обращался к воображаемому родителю. Иногда это работало как мантра, и помогало побороть страх, но чаще просто являлось обращением в никуда.

– Сейчас я тебя накормлю, только, пожалуйста, посидит тут. – Кир неловко сжал мамино плечо, подумав, что может это как то поможет ей успокоиться.

Ковер на кухне чавкает под ногами от напитавшей его воды. Сделав матери несколько бутербродов с вареньем, принялся за уборку. Самым сложным оказалось вытащить мокрый ковер, который и так весил не мало, а сейчас больше походил на завернутое в ковер тело, причем очень не маленького мужчины. Изрядно устав, мальчик ненадолго присел за обеденный стол. По белой ламинированной поверхности до сих разбрызганы мириады мелких капель крови вперемешку с крошками хлеба. Подперев одной рукой голову, он начал мысленно соединять капли крови воображаемыми линиями, такими же линиями и узорами как на своей парте. Увлечшись, Кир не заметил, как опустил в одну из капель палец и начал выводить столь привычные для себя узоры, соединяя ими большие и маленькие капли, огибая крошки. Через пару десятков минут почти вся поверхность стола покрылась бордовой вязью. Лишь дальняя часть, куда он не смог дотянуться, осталось чистой. Встав на стул, что бы закончить узор полностью, Кир на мгновение замер. Первый

раз он увидел все эти узоры с расстояния. Большие круги, маленькие, соединенные линиями, спиралями и орбитами. Весь узор очень сильно походит на молекулярную структуру – кристаллическую решетку. Соединение атомов, орбиты электронов. Так это же атомный состав какого-то материала. Все это время он рисует какой-то неведомый элемент таблицы Менделеева. Его сознание упорно выводит все эти загогулины и завитки, а он даже не видел этого. Что-то внутри подсказывает, что именно этот элемент – ключ к работе «Лимона».

Кир выбежал в зал и схватил из рюкзака первую же попавшуюся тетрадь. Спешно начал по памяти рисовать узор со стола, повторяя точь-в-точь каждую линию и точку. Завершив набросок, убедился, что мама лежит спокойно и сорвался в лабораторию. Толстые книги с тканевыми переплетами с шумом хлопнули по поверхности верстака. Кир начать искать нужный ему элемент по всем справочникам и энциклопедиям. Состав вещества вроде и знаком, но в то же время кристаллическая решетка сильно отличается от привычной формы элемента. Уже отложив половину стопки пролистанных книг, мальчик не сбавлял темп.

Вот оно! Наконец то! В одном из последних справочников по химическим элементам он обнаружил нужную формулу – изотоп известного химического элемента. На его счастье в справочнике имелось полное описание вещества и весь спектр его применения. Нужный элемент в последнее вре-

мя получил довольно широкое применение: от строительства ядерных реакторов, до производства полупроводников. И последний пункт очень обрадовал Кира, так как около пяти лет назад недалеко от их районного центра, какая-то германская фирма вместе с российским производителем на базе бывшего крупного завода открыли производство полупроводников. Новости про это крутили по всем каналам тв, да и народ часто обсуждал эту тему, так как многие думали, что это даст хоть какие-то рабочие места в текущее тяжелое время. Кир точно не знал, есть там нужное ему вещество или нет, не знал где оно там находится, и что вообще собой представляет этот завод, но кроме этого варианта раздобыть элемент у него нет. То что придется украсть, не вызывает никаких чувств, в прочем так же как и все остальное, кроме чувства страха, от возможных последствий, если он не запустит «Лимон».

Утром проснулся раньше будильника. Вытащил из рюкзака все тетради, учебники и сложил в него несколько кусков хлеба, треугольник молока, сменные носки на всякий случай и вторую шапку. Накормив маму, Кир оставил на столе еды на весь день, так как знал, что вернется домой только ближе к ночи. Мысли о том, что могут поймать, детское сознание отметало сразу. Автобус, как обычно, задержался на пятнадцать минут и люди раздраженно столпились возле двери. Кир смотрел на их толкотню и ругань абсолютно безэмоци-

онально, если бы он испытывать раздражение то именно это чувство бы его сейчас переполняло. Залез в автобус, как всегда, последним. Сегодня салон забит до отказа и, пройдя в самый конец автобуса, он облокотился на вертикальные перила у задней двери. За окном только начинало светать, и лес вдоль дороги еще выглядит сплошной черной стеной. Сегодня Кир не обращает на него никакого внимания. Он прокручивает в голове ход реакции с новым элементом – шансы на успех очень велики.

Первый урок – изобразительное искусство. Лесной к рисованию всегда относился холодно. Его не привлекает способность переносить изображение на плоскость, тем более приходится рисовать хуже, чем он может, чтобы не привлекать внимания. Почти фотографическая память позволяет изобразить любой объект с сохранением пропорций и очень мелкой детализацией, но он нарочно рисует не лучше, чем его сверстники. Незачем привлекать лишнее внимание. Грузный высокий мужчина, Павел Сергеевич, нарисовал на доске рабочего втыкающего в землю штыковую лопату и объяснил обычные пропорции человеческого тела. Вторую часть урока дети должны рисовать любого человека за работой, отталкиваясь от услышанного. относился Первый урок – изобразительное искусство. Лесной к рисованию всегда относился холодно. Его не привлекает способность переносить изображение на плоскость, тем более приходится рисовать хуже, чем он может, чтобы не привлекать внима-

ния. Почти фотографическая память позволяет изобразить любой объект с сохранением пропорций и очень мелкой детализацией, но он нарочно рисует не лучше, чем его сверстники. Незачем привлекать лишнее внимание. Грузный высокий мужчина, Павел Сергеевич, нарисовал на доске рабочего втыкающего в землю штыковую лопату и объяснил обычные пропорции человеческого тела. Вторую часть урока дети должны рисовать любого человека за работой, отталкиваясь от услышанного.

Кир достал из пенала предварительно расколотый вдоль карандаш и поддел ногтем блестящий в свете люминесцентных ламп грифель. Осмотревшись по сторонам и убедившись, что на него никто не смотрит, он отправил несколько кусков графитового стержня в рот. Грифель захрустел на зубах, раскалываясь на мелкие почти безвкусные кусочки. Один из них больно впился в десну, но мальчик не подал виду и продолжал жевать. Проглотить стержень оказалось сложнее, чем он думал, жаль что сегодня они не рисовали акварелью или гуашью, можно было бы запить из стакана с водой для краски. Через пятнадцать минут графит дал о себе знать и Кир почувствовал озноб, пробежавший по всему телу. Ладони вспотели, взгляд затуманился, и голову сдавило тисками боли.

– Павел Сергеевич? – Кир поднял руку и, пересилив страх, обратился к учителю.

– Да? – Преподаватель оторвал взгляд от классного жур-

нала и посмотрел на ребенка через верхний край очков.

– Можно я в медпункт, мне что-то плохо.

Павел Сергеевич чуть сощурил взгляд, привычка всех плохо видящих, посмотрел на стрелки часов и только потом отпустил.

Своего медпункта у сельской школы нет, и всех детей отправляли в поселковую амбулаторию. Невзрачное одноэтажное здание с бледно-синими стенами и белыми решетками на окнах, больше похожее на дом какой-нибудь старушки. В одном из двух кабинетов за облезшим лакированным столом сидит женщина средних лет в белом халате поверх длинного шерстяного платья. Она внимательно посмотрела на Кира и кивком указала на стоящий напротив нее стул.

– Что у тебя, рассказывай. – Голос у нее оказался очень мягким, как будто проводишь рукой по бархатной подушке.

– Не знаю, на уроке стало плохо. – Кир опустил глаза в пол, ему казалось, что если она посмотрит в глаза, то сразу поймет, что он врет.

Фельдшер встала и подошла. Прикоснулась холодной рукой ко лбу и удивленно вскинула брови. Взяв ртутный градусник из стаканчика на столе, она встряхнула его несколько раз, проверила, где находится столбик и засунула под мышку ребенку. Холодное стекло неприятно обожгло кожу, но быстро нагрелось, и Кир перестал его ощущать. Женщина проверила ему горло, спросила, не болит ли голова, послушала дыхание и прощупала лимфоузлы на шее. После это-

го она вернулась к себе за стол, и принялась что-то писать в большом журнале с зеленой обложкой. Страх. Опять это чувство. А вдруг она не выпишет ему освобождение от уроков? Тогда его планы сорвутся. Если он все же прогуляет уроки без уважительной причины, то завуч непременно попытается вызвать маму в школу. Но тут врач взяла прямоугольник желтой бумаги, что-то быстро написала, шлепнула штамп и протянула.

– Отнеси в учительскую и езжай домой, освобождаю тебя на пять дней. Вот еще возьми и передай маме, тут рекомендации по лечению. И одевайся лучше, скоро заморозки обещают.

Благодарно кивнув, Кир вышел из амбулатории.

«Заморозки, еще какие заморозки, вы еще даже не представляете какие, только если я вам скажу, вы же все равно не поверите».

В учительской пусто, все преподаватели на уроках. Кир положил справку на стол классной руководительницы, сверху добавив записку, что он уехал домой лечиться. Прижал все это маленьким глобусом который, стоял на углу стола.

Выйдя из школы, Лесной посмотрел в сторону остановки, с которой обычно уезжает домой. Сегодня, вопреки шаблону, ему нужно совсем в другую сторону. В районном центре он не частый гость, и каждая поездка для него – значимое событием. После того как мама ушла в себя ни разу не выезжал за пределы своего поселка, кроме школы, почти

все нужное для жизни можно купить в их селе у приезжающих торговцев-челноков и не вызвать при этом подозрения, ребенок, катающийся один в город на автобусе сразу станет объектом сплетен и домыслов. Остановка почти пуста. Люди, работающие в городе, уехали на ранних рейсах, в середине дня автобуса ждали только те, кто ездил за покупками или просто прогуляться. Рейсовый приехал через двадцать минут, большой красный «Икарус» с белой полосой по боку. Как ни странно, возле входа люди не толпятся, а спокойно подходят к двери по одному и поднимаются по высоким ступеням. Внутри салона темно, окна завешены плотными занавесками с веревочной бахромой по нижнему краю. Сидения обтянуты плотной красной тканью, под цвет самого автобуса, и напоминают домашние кресла.

– Малой тебе куда? – Пожилой водитель с пожелтевшими от сигарет зубами посмотрел на Кира.

– Мне в город.

– А мамка то знает? Ты смотри, ваш школьный проездной тут не действует.

– Я знаю. – Кир чуть поежился, любое внимание все так же вызывало приступы страха. Отсчитав несколько купюр, протянул их водителю и зашагал в салон. Последний пассажир оплатил проезд, дверь закрылась, автобус громко зашипел компрессором и плавно тронулся с места. Удобное кресло, плавный ход, темнота и тишина в салоне. Кир поставил портфель на сидение рядом и устроился удобнее. Междугород-

ний намного комфортнее, чем их старый и убитый школьный. Через полчаса дороги немного разомлел от удобства, и даже позволил себе вздремнуть полчаса. Проснулся от того, что автобус сбавил скорость, и они въехали на широкую асфальтированную площадку перед зданием автовокзала. В салоне потемнело, Кир выглянул в окно и увидел закрывший небо металлический навес над диагонально расположенными перронами. Пассажиры поднялись со своих мест и двинулись к открывшимся дверям. В городе холоднее, чем в селе, из-за больших открытых пространств ветер сильнее и ощутимо продувает даже зимнюю куртку.

От вокзала Кир направился к остановке городского транспорта. Все те же самые «пазики», но уже с номерами маршрутов и в лучшем состоянии, чем их сельский автобус, останавливаются один за другим. Кир вспомнил карту города, прикинул примерный маршрут и выбрал автобус с номером шестьдесят семь, который едет в сторону северного микрорайона. Когда маршрутка выехала на широкое кольцо за городом и остановилась возле промзоны, мальчик вышел из салона и осмотрелся по сторонам. Большая вывеска с яркими синими буквами «НПК Микрон» указывает в сторону асфальтированной дороги, уходящей в глубину однотипных бетонных строений. Тротуара вдоль дороги нет, обычно работники приезжают либо на авто, либо на корпоративном транспорте. Идти пришлось по раскисшей от дождя земле. Изредка мимо проносятся машины, обдавая потоком холод-

ного воздуха и выхлопными газами. Ботинки довольно быстро промокли, и Кир престал чувствовать замерзшие пальцы на ногах. Бетонный забор, идущий вдоль дороги, уперся в большую проходную, с широкими воротами и шлагбаумом за ними. Люди проходят через специальный вход со стеклянными стенами и турникетом, расписываясь в журнале посещения у охранника.

Кир остановился напротив входа и напрягся, придумывая причину, по которой его могут пропустить на закрытую территорию. Охранник за стеклом смотрел в телевизор и пил из белой кружки. Заметив ребенка, он приподнялся из-за стойки. Кир оглянулся по сторонам, стараясь понять на кого смотрит мужчина, но потом смекнул, что охранник обратил внимание на него. Мужчина в сером кителе и с усами, как у военных, махнул рукой, приглашая войти.

– Ты что там под дождем мокнешь? – Охранник открыл дверь навстречу и провел внутрь пропускного пункта. – Ты сюда к кому-то приехал что ли?

Почти не пришлось врать, и Кир согласно закивал головой.

– Понятно, что же не позвонили, не предупредили меня, я бы встретил. – Мужчина тяжело вздохнул. – Знаешь где искать-то?

– Сказали на складе. – Кир опять опустил глаза в пол.

– Тогда тебе нужен четвертый корпус, я позвоню на проходную, попрошу, чтобы пропустили, и скажи в следующий

раз, чтобы предупреждали, хорошо?

Кир еще несколько раз кивнул и вышел во внутренний двор. Территория предприятия очень сильно отличается от того, что он привык видеть в родном селе. Чистые высокие корпуса из бетона и стекла, идеально положенный асфальт, ни мусора, ни трещин. Все аккуратно, опрятно и со вкусом. Напротив главного корпуса парковка забита дорогими иномарками. И тишина, почти никого нет на улице, все заняты работой.

Посмотрев на карту предприятия, висящую справа у выхода, свернул направо, к складскому помещению. Двухэтажное строение, почти без окон с высокими пандусами для погрузки. За входной дверью так же встретил охранник, сидящий за небольшим окошком, кивнул и проводил взглядом. Предупредили. Уверенно пошел по направлению таблички «комната персонала» но в последний момент повернул по коридору в сторону входа на склад. Двустворчатая дверь с длинной ручкой-перекладной услужливо щелкнула замком, и он оказался в большом помещении, заставленном стеллажами и паллетами.

Кир впал в небольшой ступор – где на этом огромном складе искать нужный элемент? Но обыск всего помещения уйдет масса времени, которого у него нет. Прижался к одному из стеллажей и пошёл вдоль, надеясь увидеть хоть какую-то подсказку. Страх. Опять страх. Почему он всегда приходит в самые ненужные моменты. Именно тогда, когда

нужен холодный рассудок, страх выбрасывает в кровь адреналин, заставляя мысли метаться в голове, как комары у фонаря. Послышалось монотонное жужжание, и Кир увидел электрокар в конце склада. Водитель погрузчика сосредоточен на работе и не заметил фигуру ребенка, метнувшуюся между стеллажей. Кир добежал до противоположного конца пролета и выглянул из-за края. Никого. Немного переведя дыхание, стянул с головы взмокшую от пота шапку и прижался спиной к какой-то коробке. Не заметили. Только куда идти дальше? В том конце склада люди, у них возникнет много вопросов, что ребенок делает на промышленном складе закрытого предприятия. Посмотрев налево, увидел табличку с указателями на стене: «склад полимерного сырья – блок один, склад полупроводникового сырья – блок два, склад металлического сырья – блок три, склад готовой продукции – блок четыре». Вот оно! Осмотревшись по сторонам и увидев большое количество коробок с этикетками, понял, что находится в четвертом блоке, теперь надо искать выход в блок два. электрокар Кир впал в небольшой ступор – где на этом огромном складе искать нужный элемент? Но обыск всего помещения уйдет масса времени, которого у него нет. Прижался к одному из стеллажей и пошёл вдоль, надеясь увидеть хоть какую-то подсказку. Страх. Опять страх. Почему он всегда приходит в самые ненужные моменты. Именно тогда, когда нужен холодный рассудок, страх выбрасывает в кровь адреналин, заставляя мысли метаться в голове, как ко-

мары у фонаря. Послышалось монотонное жужжание, и Кир увидел электрокар в конце склада. Водитель погрузчика сосредоточен на работе и не заметил фигуру ребенка, метнувшуюся между стеллажей. Кир добежал до противоположного конца пролета и выглянул из-за края. Никого. Немного переведя дыхание, стянул с головы взмокшую от пота шапку и прижался спиной к какой-то коробке. Не заметили. Только куда идти дальше? В том конце склада люди, у них возникнет много вопросов, что ребенок делает на промышленном складе закрытого предприятия. Посмотрев налево, увидел табличку с указателями на стене: «склад полимерного сырья – блок один, склад полупроводникового сырья – блок два, склад металлического сырья – блок три, склад готовой продукции – блок четыре». Вот оно! Осмотревшись по сторонам и увидев большое количество коробок с этикетками, понял, что находится в четвертом блоке, теперь надо искать выход в блок два. с указателями Кир впал в небольшой ступор – где на этом огромном складе искать нужный элемент? Но обыск всего помещения уйдет масса времени, которого у него нет. Прижался к одному из стеллажей и пошёл вдоль, надеясь увидеть хоть какую-то подсказку. Страх. Опять страх. Почему он всегда приходит в самые ненужные моменты. Именно тогда, когда нужен холодный рассудок, страх выбрасывает в кровь адреналин, заставляя мысли метаться в голове, как комары у фонаря. Послышалось монотонное жужжание, и Кир увидел электрокар в конце склада. Водитель погрузчика со-

средоточен на работе и не заметил фигуру ребенка, метнувшуюся между стеллажей. Кир добежал до противоположного конца пролета и выглянул из-за края. Никого. Немного переведя дыхание, стянул с головы взмокшую от пота шапку и прижался спиной к какой-то коробке. Не заметили. Только куда идти дальше? В том конце склада люди, у них возникнет много вопросов, что ребенок делает на промышленном складе закрытого предприятия. Посмотрев налево, увидел табличку с указателями на стене: «склад полимерного сырья – блок один, склад полупроводникового сырья – блок два, склад металлического сырья – блок три, склад готовой продукции – блок четыре». Вот оно! Осмотревшись по сторонам и увидев большое количество коробок с этикетками, понял, что находится в четвертом блоке, теперь надо искать выход в блок два.

Осторожно, почти на цыпочках, пригнувшись, Кир начал пробираться от стеллажа к стеллажу, озираясь по сторонам. Вспомнились книжные шпионские триллеры, где секретные агенты проникали на вражеские базы и точно так же скрывались от охраны. Пару раз пришлось прятаться за коробками, так как по центральной части склада проходили работники. Звук работающего погрузчика все ближе, заставляет сердце биться чаще и громче. У него нет права на ошибку, нельзя попасться. Выглянув из-за очередного стеллажа, увидел широкий проход с табличкой над ним. Подкравшись поближе, смог прочесть – «Блок три». Незаметно проскольз-

нув в широкий проход, Кир попал почти на такой же склад, только вместо стеллажей на полу стоят боксы и контейнеры. Направление, в котором нужно двигаться, выбрал правильно. Укрываясь за железными контейнерами и двигаясь короткими перебежками, довольно быстро нашел выход во второй блок. Этот склад отличается еще сильнее. По центру тянется длинный коридор с множеством дверей, над каждой из которых висит табличка. Весь проход просматривается от самого начала и до конца, и если кто-то выйдет с любой из сторон – укрыться негде.

Прижавшись к холодной бетонной стене, Кир на секунду задержал дыхание, досчитал до десяти, стараясь унять страх, и побежал. Рюкзак болтается из стороны в сторону и больно бьет по лопаткам, но он не обращает на это внимания, рассматривая таблички над дверями. На каждой написано название химического элемента хранившегося в данном блоке. Не то, опять не то, вообще пустая табличка. Уже середина склада, но нужного элемента так и нет. Может быть, его вообще нет на складе? Страх сжал и без того пустой желудок в тугий комок. В конце коридора слышались шаги и чьи-то голоса. Перебило дыхание от ужаса, и он метнулся в первую же попавшуюся дверь. Ручка поддавалась не сразу, но замок все же открылся с легким щелчком. Чуть приоткрыв массивную створку, он пронырнул в темный бокс, но не успел до конца закрыть дверь – из коридора слышались звуки шагов. из коридора слышались слышались Прижавшись к

холодной бетонной стене, Кир на секунду задержал дыхание, досчитал до десяти, старясь унять страх, и побежал. Рюкзак болтается из стороны в сторону и больно бьет по лопаткам, но он не обращает на это внимания, рассматривая таблички над дверями. На каждой написано название химического элемента хранившегося в данном блоке. Не то, опять не то, вообще пустая табличка. Уже середина склада, но нужного элемента так и нет. Может быть, его вообще нет на складе? Страх сжал и без того пустой желудок в тугой комок. В конце коридора слышались шаги и чьи-то голоса. Перебило дыхание от ужаса, и он метнулся в первую же попавшуюся дверь. Ручка поддавалась не сразу, но замок все же открылся с легким щелчком. Чуть приоткрыв массивную створку, он пронырнул в темный бокс, но не успел до конца закрыть дверь – из коридора слышались звуки шагов.

Внутри бокса темно, сухо и немного пахнет азотом. Шаги все ближе и ближе. Кир прижался к стене, в углу у двери, и задержал дыхание, что бы, не выдать себя. Возле двери шаги остановились. в углу у двери, Внутри бокса темно, сухо и немного пахнет азотом. Шаги все ближе и ближе. Кир прижался к стене, в углу у двери, и задержал дыхание, что бы, не выдать себя. Возле двери шаги остановились.

– Кто дверь в бокс с нитридом галлия не закрыл? – Низкий мужской голос прозвучал возле самой двери.

– Не знаю, надо по табелю посмотреть, кто вчера его отгружал.

– Балбесы, а потом ходи, думай, почему чешешься весь и глаза красные.

Дверь захлопнулась, и шаги удались в конец коридора. Бокс погрузился в полную темноту. Кир задержал дыхание, слова о раздражение немного напугали, и он подкрался к двери, ориентируясь по памяти. Нашупав ручку, потянул ее вниз и, после щелчка, дверь поддалась вперед. В коридоре пусто. Осторожно посмотрел по сторонам и аккуратно вышел. по памяти Дверь захлопнулась, и шаги удались в конец коридора. Бокс погрузился в полную темноту. Кир задержал дыхание, слова о раздражение немного напугали, и он подкрался к двери, ориентируясь по памяти. Нашупав ручку, потянул ее вниз и, после щелчка, дверь поддалась вперед. В коридоре пусто. Осторожно посмотрел по сторонам и аккуратно вышел.

«Так таблички, он обязан тут быть».

Бокс за боксом, дверь за дверью, табличка с названием элемента за табличкой. Кир шел по проходу, осторожно ставя стопу на ребро, рассматривая указатели над дверями и прислушиваясь к каждому шороху. Каждую секунду готовый броситься к любой из дверей, если кто-нибудь еще войдет на склад. Почти в самом конце коридора нашел то, что искал. Одинокая латинская буква с цифрами в степени. Точно такая же дверь, как и в том боксе, где он прятался. Щелчок замка и створка двери открылась почти бесшумно. Рядом с дверью увидел переключатель и нажал кнопку. Под потолком

зажглись трубки люминесцентных ламп, залил белым холодным светом множество контейнеров с веществом. Открыв первый вертикальный ящик, Кир увидел небольшие контейнеры, размером с пачку молока. Сколько понадобится – не известно, поэтому решил взять полный рюкзак. Когда уложил последний контейнер, на плечо неожиданно опустилась чья-то рука.

– Что это мы тут делаем?

Слова над головой прозвучали как гром среди ясного неба. Сердце на секунду остановилось, спазм перехватил диафрагму и сдавил легкие. Мысли заметались в голове.

«Бросить портфель и бежать! Вырваться. Нет, нельзя бросать! Что делать? Меня посадят в тюрьму? Что, что дальше делать?!»

Кир застыл над открытым ранцем, остолбенев от ужаса. Высокий худощавый мужчина, с легкой проседью в бороде и синем халате поверх костюма ждет ответа, не убирая руку с плеча. Все замерло, словно кто-то остановил течение времени. Вдох. Воздух с трудом прорывается в легкие и так же тяжело выходит обратно. Кир захотел двинуться, но руки и ноги сковало оцепенение, почувствовал себя мухой, прилипшей к ленте-ловушке под потолком.

– Не желаете объяснить, молодой человек? – Мужчина развернул Кира к себе лицом.

В ответ Лесной смог лишь что-то невнятно промычать.

– Так ладно, пройдем со мной.

Крепкая рука подняла его с земли за руку как игрушку. Подхватив с земли портфель, мужчина взял за Кира предплечье и вышел из бокса, выключив за собой свет. Пошли по коридору в сторону административного корпуса. Люди, попадающиеся по пути, учтиво здоровались с мужчиной, он в ответ коротко кивал и продолжал тащить Лесного. Кир впал в подобие ступора, лихорадочно представляя дальнейшее развитие событий, и безвольно плелся следом, понимая, что в данной ситуации он беспомощен.

В главном корпусе людей намного больше, некоторые провозжают их удивленными взглядами, но мужчина продолжал идти, как ни в чем не бывало. Остановились возле тяжелой металлической двери с табличкой «Игнат Витальевич Приштин, начальник исследовательского отдела».

Мебели в кабинете по минимуму. Большой прозрачный стол с пузатым экраном персонального компьютера. Высокое вращающееся кресло на колесах, пара бюро у стены, и массивный сейф в углу. Возле стола два стула, на один из которых хозяин кабинета положил портфель, а на другой указал Киру.

– Присаживайся.

Лесной забрался на стул и опустил глаза в пол.

– Как ты сюда попал вопрос, скорее, не к тебе. Об этом я потом пообщаюсь с охраной. Мне интересно другое. – Игнат Витальевич сел в свое кресло, скрестил пальцы и опер руки локтями на стол. – Зачем тебе понадобилось это вещество?

Кир смотрит в пол, не зная, что ответить.

– Ты можешь посмотреть мне в глаза? – Голос Приштина звучит без нотки угрозы, а наоборот, успокаивающе.

Кир поднял голову и осмелился взглянуть на мужчину. Глаза глубокие, со спокойным, уверенным взглядом. Нет, он не сможет соврать вот так, лицом к лицу.

– Он мне нужен. – Тихо, почти шёпотом, произнес он.

– Ну, если бы он был тебе не нужен, ты бы вряд ли сюда залез. Что ты собираешься с ним делать?

– Эксперимент.

Брови Игната Витальевича удивленно поднялись вверх.

– Эксперимент? А какого рода? Термоядерную бомбу собрался сделать.

– Нет, не могу сказать, но я уже почти закончил.

– Что закончил? – Приштин чуть привстал из-за стола, с каждым словом мальчика его лицо становится все более удивленным.

– Я не могу получить стабильную плазму. Реакция выходит из-под контроля. Приходится все глушить, что бы избежать разрушения контура. – Кир выпалил все на одном дыхании. Впервые он кому-то говорит про свой эксперимент – «Лимон». – Потом я понял, что выбрал неправильное топливо для реакции, а оно есть только у вас. Я думаю, точнее, знаю, что с ним «Лимон» заработает.

– Подожди, ты, что построил реактор на управляемом ядерном синтезе? – Мужчина удивленно потряс головой, от-

казываясь верить своим ушам.

– Почти. Я построил магнитную ловушку и ускоритель, вакуумный контур, даже плазму получил, но не смог найти стабильное топливо для реакции. – Лесной перебрал в голове этапы строительства «Лимона».

– Сколько тебе лет? – Игнат Витальевич подошел и присел рядом на корточки.

– Одиннадцать. – Очень странно, но почему-то этот мужчина не вызывает страха как другие люди, может быть благодаря обстоятельствам встречи, или потому, что понимает суть эксперимента.

– Тебе кто-нибудь помогал?

– Нет. Сам сделал.

– Как? Ты же еще совсем мальчишка! – Приштин удивленно вскинул руки.

– Я прочитал все работы Сахарова[1] и Тамма[2]. Но больше всего мне помогли работы Олега Александровича[3]. Правда, у него были некоторые конструкционные просчеты. Я их исправил.[1]– Я прочитал все работы Сахарова[1] и Тамма[2]. Но больше всего мне помогли работы Олега Александровича[3]. Правда, у него были некоторые конструкционные просчеты. Я их исправил.[2]– Я прочитал все работы Сахарова[1] и Тамма[2]. Но больше всего мне помогли работы Олега Александровича[3]. Правда, у него были некоторые конструкционные просчеты. Я их исправил.[3]– Я прочитал все работы Сахарова[1] и Тамма[2]. Но больше всего мне по-

могли работы Олега Александровича[3]. Правда, у него были некоторые конструкционные просчеты. Я их исправил.

– Да это уму непостижимо. Как ты вообще понял, что прочитал? Не говоря уже о том, чтобы сделать! Ты, наверное, меня дуришь? – Игнат Витальевич встал и начал ходить кругами по кабинету.

– Нет, я сказал вам правду.

– А что об этом говорят твои родители?

– Папы у меня нет. Мама не разговаривает.

– Как это не разговаривает? Она немая? – Приштин остановился и посмотрел на ребёнка.

– Нет, раньше говорила, сейчас перестала, вообще в себя ушла. Не говорит, не работает, только кушает и спит.

– А родственники? Почему ты никому не скажешь, что у неё проблемы со здоровьем?

– Нет родственников. Ее осматривал врач, давно, когда все только начиналось, сказал что это психическое, если станет хуже, то необходимо стационарное лечение. В таком случае, меня, из-за отсутствия дееспособного опекуна, отправят в детский дом.

– Понятно, а ты в приют не хочешь. То есть ты живешь один с больной мамой, сам за собой ухаживаешь и строишь дома реактор на термоядерном синтезе?

– Получается, так. – Кир согласно пожал плечами.

– Послушай, мальчик. Над созданием такого реактора ломают голову сотни ученых по всему миру. Это одна из глав-

ных целей мировой энергетики, в его разработку вложены сумасшедшие деньги. А ты мне говоришь, что создал его дома? И ты думаешь, что я тебе поверю?

– Нет, не думаю. Это ваше право верить или нет. Я сказал как есть.

– Если я об этом кому-то скажу, люди посчитают, что я сошел с ума! Я разговариваю об устройстве термоядерного реактора со школьником! – Мужчина нервно встрепал волосы на голове и опять сел в свое кресло. – Ладно, парень, скажу прямо – ты меня очень удивил. Сначала я думал ты простой хулиган. Но украденное тобой почти не имеет ценности, да и не продашь ты его никому. И я задумался, зачем мальчишке лезть на охраняем склад, воровать бесполезную, на первый взгляд, вещь. Это не логично. И потом ты заявляешь, что построил реактор...

Игнат Витальевич снял трубку со стоящего рядом большого телефона и нажал кнопку селектора. Из динамика громкой связи раздалось несколько гудков, затем ответил молодой женский голос.

– Света, пусть Миша подъедет к главному входу, у меня для него есть поручение.

– Хорошо, Игнат Витальевич, подождите. – На другом конце трубки раздалась звуки набора номера, короткий разговор и девушка опять вернулась на линию. – Сказал, через три минуты будет. Еще что-нибудь нужно?

– Нет, спасибо. – Приштин положил трубку. – Как тебя

зовут?

– Кир, Кир Лесной.

– Забавное имя. Хорошо. Содержимое твоего портфеля я оставлю у себя. Будем считать, что тебя тут не было и этот инцидент исчерпан. Где ты живешь?

– В Альфе.

– Это то село, что в девяноста километрах отсюда?

– Да. – Кир чуть удобнее сел на стуле и посмотрел на свой рюкзак. – Может быть, вы дадите мне хоть немного?

– Далеко же тебя занесло. Нет, сейчас я оставлю все у себя и о твоём реакторе мы поговорим позже. Я думаю, это не последняя наша встреча. – Игнат Витальевич подошел к рюкзаку и выложил контейнеры на стол. – Мой водитель отвезет тебя домой. О том, что ты тут был, никому не слова, и о своём реакторе, если таковой есть, тоже. Далеко же тебя занесло. Нет, сейчас я оставлю все у себя и о твоём реакторе мы поговорим позже. Я думаю, это не последняя наша встреча. – Игнат Витальевич подошел к рюкзаку и выложил контейнеры на стол. – Мой водитель отвезет тебя домой. О том, что ты тут был, никому не слова, и о своём реакторе, если таковой есть, тоже.

– Хорошо. – Если бы Кир умел испытывать грусть то сейчас бы, наверное, расплакался, но он оставался сидеть на стуле без каких либо эмоций.

– Тогда пойдем. – Игнат Витальевич снял халат и повесил на настенную вешалку у двери.

У главного входа административного корпуса их ждала черная иномарка. Кир таких еще не видел, но по дорогим элементам отделки и благородному профилю, понимал что авто явно не из дешевых.

– Миша! – Игнат Витальевич обратился к молодому парню, курящему неподалёку от автомобиля. – Отвези мальчика домой. Его к нам направляли, как победителя районной олимпиады по радиотехнике. Экскурсия закончилась чуть раньше, и я думаю, нет смысла ждать автобус. Адрес он тебе подскажет.

Нагнувшись к Киру, Приштин заговорил тихо, чтобы их никто не услышал.

– Запомни, тебя тут не было, и реактора у тебя никакого нет. Я скоро к тебе наведаюсь. Надеюсь, ты меня не обманул и реактор действительно существует, я могу помочь с ним.

Кир вскинул голову и посмотрел прямо в глаза собеседника. Мудрый отеческий взгляд, который, по странным причинам, действует успокаивающе.

– Хорошо. Спасибо, что не отправили меня в тюрьму.

– Иди, давай, пока я не передумал. – Игнат Витальевич чуть подтолкнул Кира и еще долго провожал взглядом уезжающую машину.

[1] Андрей Дмитриевич Сахаров – советский физик-теоретик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы.

[2] Игорь Евгеньевич Тамм – советский физик-теоретик, академик АН СССР, лауреат Нобелевской премии по физике.

[3] Олег Александрович Лаврентьев – советский физик, заслуженный деятель науки и техники СССР, доктор физико-математических наук.

Глава 3

Кир рассматривал серые голые деревья вдоль дороги, думая над тем, что ему делать дальше. В салоне автомобиля почти полная тишина, даже шума колес по асфальту не слышно. Приятно пахнет дорогой кожей и каким-то ванильным ароматизатором приклеенным к парпризу. Водитель почти не обращает на него внимания, только один раз спросил адрес куда ехать. Кир же ушел с головой в размышления. Его вылазка обернулась фиаско. Без вещества «Лимон» он не запустит. Никак. Все остальное он уже перепробовал. Искать где-то еще? Сегодняшняя неудача поубавила энтузиазма. Хорошо еще, что не попал в милицию. И что подразумевал Игнат Витальевич под словами «не последняя наша встреча», может он решил наказать самостоятельно? Это тупик. Работа над реактором встала и кара за вылазку повисла дамокловым мечом. кара за вылазку повисла Кир рассматривал серые голые деревья вдоль дороги, думая над тем, что ему делать дальше. В салоне автомобиля почти полная тишина, даже шума колес по асфальту не слышно. Приятно пахнет дорогой кожей и каким-то ванильным ароматизатором приклеенным к парпризу. Водитель почти не обращает на него внимания, только один раз спросил адрес куда ехать. Кир же ушел с головой в размышления. Его вылазка обернулась фиаско. Без вещества «Лимон» он не запустит. Никак.

Все остальное он уже перепробовал. Искать где-то еще? Сегодняшняя неудача поубавила энтузиазма. Хорошо еще, что не попал в милицию. И что подразумевал Игнат Витальевич под словами «не последняя наша встреча», может он решил наказать самостоятельно? Это тупик. Работа над реактором встала и кара за вылазку повисла дамокловым мечом.

За размышлениями не заметил, как они въехали в село. Начало смеркаться, рано, по-зимнему. Иномарка остановилась, не доезжая до их двора, Кир нарочно сказал другой номер, не хотел выдавать свой адрес. о-зимнему За размышлениями не заметил, как они въехали в село. Начало смеркаться, рано, по-зимнему. Иномарка остановилась, не доезжая до их двора, Кир нарочно сказал другой номер, не хотел выдавать свой адрес.

Мама почти не заметила, что он приехал позже, чем обычно. Все так же сидит на диване, почти неподвижно, безучастным взглядом уставившись в телевизор. Большая кукла с лицом матери, кукла, которую нужно кормить и следить за ней. Иногда он одевал ее и выводил пройтись по улице, делая вид, что она с ним гуляет, отводя подозрение соседей. Это же село, не появляйся его мать на людях регулярно, давно бы слухи пошли. Она не обернулась даже на звук открывающейся двери. О том, что мама вставала, говорили только частично съеденные бутерброды на столе.

Кир разделся, убрал все со стола и поплелся в ванную. Нет никакого желания что-либо делать. Скрип спички об коро-

бок, вспышка, запах горячей бертолетовой соли, синие языки пламени в газовой колонке. Интересно, а если видение сбудется и действительно ударят такие морозы, смогут ли привозить газ? Или же они останутся не только без тепла, но и горячей воды, и огня на кухне. Две недели назад привезли заправленный красный баллон пропана и подключили к шлангу, выведенному на улицу рядом с кухней в специальный синий ящик с надписью «ГАЗ». Обычно его хватало на месяц, готовил Кир не часто, а колонка в ванной много не потребляла, но если придут сильные холода, придется жечь плиту постоянно, для дополнительного обогрева, и надолго газа не хватит.

Горячие струи ударили по спине, расслабляя каждую мышцу. Вода обдала теплом ступни, и Кир только сейчас понял насколько замерзли ноги. Посмотрел на стопы – синюшные пальцы, покрытая вязью глубоких борозд и похожая на курагу кожа. Ботинки давно прохудились, и стали не пригодны к таким долгим прогулкам под дождем. В душе простоял раза в два дольше обычного, прогревая каждую косточку промерзшего тела. В лабораторию сегодня не пошел, решил остаться дома и все обдумать, но домашняя суета съела весь вечер. Пришлось приготовить простой ужин, наколоть и натаскать дров, накормить и уложить маму. Плюсом ко всему сказалось сильное нервное истощение, и, когда добрался до постели, рухнул почти без сил.

Проснулся Кир как по будильнику и начал по привычке собираться в школу. Спал спокойно, без снов, только ночь пролетела слишком быстро, только закрыл глаза и уже надо вставать. Только сложив рюкзак, вспомнил, что он на больничном. Появляться сейчас в школе – вызвать подозрения. пал спокойно, без снов, только ночь пролетела слишком быстро, только закрыл глаза и уже надо вставать. Проснулся Кир как по будильнику и начал по привычке собираться в школу. Спал спокойно, без снов, только ночь пролетела слишком быстро, только закрыл глаза и уже надо вставать. Только сложив рюкзак, вспомнил, что он на больничном. Появляться сейчас в школе – вызвать подозрения.

Дом за ночь остыл и первым делом Кир подкинул дров в печь. Выглянув в окно, увидел первый в этом году снег. Очень ранний снег. Миллионы белых перьев вальяжно кружились в воздухе и уже покрыли землю тонким белым сукном. Это сигнал. Сигнал о том, что времени вообще не осталось. Счет идет не на дни, а на часы. А он бессилен. Он ничего не может сделать, что бы запустить реактор. Внутри, где-то в солнечном сплетении, образовалась пустота, и начала обволакивать внутренности, поглощая последние крохи надежды как-то исправить ситуацию.

За окном раздался стук в калитку.

«Что? Кто это может быть?». Гостей он не ждет. Единственным визитером за последний год был почтальон с маминой пенсией и бесплатными газетами. Но сейчас слишком

рано для почтальона.

Осторожно выглянув из-под шторы на кухне, Кир увидел две фигуры в теплой одежде, стоящие за калиткой. Мужчина и женщина. Очень знакомые лица, собственных учителей сложно с кем-то спутать. Алексей Иванович и Вера Степановна. Они все же приехали. Сердце надрывно застучало в груди. «Что делать? Что же делать? Их нельзя пускать в дом! Ни в коем случае!» Стук раздался громче и настойчивее. На ходу надевая куртку и шапку, Лесной вышел на крыльцо и махнул учителям, судорожно соображая, как избавиться от неожиданных гостей и не пустить их в дом.

– Здравствуйте!

– Привет! Узнали, что ты заболел. Решили проведать. – Алексей Иванович потер замерзшие руки. – Похолодало сильно.

– Да, вот весь двор занесло. – Кир говорил медленно, растягивая слова, стараясь выглядеть больным. – Сейчас открою.

Скрипнула старая калитка и учителя вошли за забор.

– Подождете минуту? Не успел почистить, обувь промочите. Сейчас быстро тропинку разгребу.

– Да ничего, мы же не кисейные барышни, да и ты, наверное, неважно себя чувствуешь. Пойдем уже в дом, мы давно стучимся, продрогли.

«Нет! Им нельзя в дом, они увидят маму! Вызовут врача! И все закончиться! Она попадет в больницу, а я в приют!»

Неожиданно из-за края дома послышался скрип снега. Кир не поверил своим глазам – Игнат Витальевич! Что он тут делает? Как он нашел его дом? Если Кир учителей испугался, то сейчас он просто остолбенел от ужаса.

– Доброе утро! – Игнат Витальевич широко улыбнулся и прошел навстречу преподавателям.

– Здравствуйте! – Алексей Иванович пожал руку в ответ. – Кир не говорил, что с ними кто-то живет.

– Ну, он у нас вообще не разговорчивый. Я его родственник. Заезжаю каждый день, проведываю. Сами понимаете, мама его к постели прикована. Он конечно парень ответственный, но помощь взрослого всегда нужна.

– Так сильно болеет? – Вступила в разговор Вера Степановна. – Мы хотели привезти фельдшера, но она к сожалению, не смогла.

– Не ходит почти, только с помощью Кира, я ему предлагал их к нам забрать, но он ни в какую. Говорит за домом следить надо. Она получает все должное лечение, не переживайте.

– А мы-то думаем, что у него успеваемость упала. – Завуч с жалостью посмотрела на ребенка. – И заболел, наверное, уже от усталости.

– Мы помогаем, как можем. А за успеваемость учту, подтянет, обещаю. – Игнат Витальевич строго посмотрел на Кира. – Ну что стоим, может в дом, чаю попьете?

– Да нет, спасибо. – Алексей Иванович отрицательно за-

кивал головой. – Мы просто хотели убедиться, что у него дома все нормально, может матери помощь нужна. Теперь видим, что он в надежных руках. Так что мы поторопимся, снег видите, как валит. Не дай Бог, перевал закроют. Спасибо за приглашение, но мы откланяемся!

Кир весь разговор стоял как вкопанный и не верил своим ушам. Игнат Витальевич мало того, что не пожаловался на него, так еще и в буквальном смысле спас.

Когда за уходящими хлопнула калитка, Приштин повернулся к ребенку.

– А вот я бы от чая не отказался.

Кир спешно поднялся по лестнице на крыльцо, и открыл гостю дверь. Игнат Витальевич зашел в прихожую, сбив на пороге с обуви снег. От него пахнет сигаретами и тем же ванильным ароматизатором, как и в машине.

Пройдя на кухню, гость осмотрелся.

– А твоя мама не будет против гостей?

– Нет. Она даже не обратит внимания. – Кир зажег конфорку и поставил на нее никелированный чайник.

– Это были твои учителя?

– Да. Меня недавно вызывали к завучу, из-за проблем с успеваемостью. – Мальчик расставил на столе чашки и достал пакет с печеньем.

– Ты строишь реактор у себя дома и у тебя плохие оценки? – Игнат Витальевич взял в руки чайную ложку и прокутил ее в пальцах, рассматривая.

– Просто у меня есть одна проблема. – Кир остановился у края стола и посмотрел на собеседника. – Я не чувствую почти ничего кроме страха. Люди меня пугают.

– Как это, ничего не чувствуешь? – Игнат Витальевич замер и посмотрел в глаза мальчика, продолжая держать в руках чайную ложку.

Кир взглянул прямо в глаза Приштину. Сам только что сказал, какие чувства у него вызывают все контакты, но сейчас страха нет. Возможно, впервые в жизни он спокойно говорит с человеком, с живым человеком, без привычного парализующего испуга.

– Я читал в книгах про эмоции. Когда был маленьким, и мама еще была нормальной, она помогала и объясняла многое. Но я не знаю, что такое радость, счастье, уныние, тоска. Только страх. И любопытство. Именно из-за него я начал строить реактор. Не знаю, почему так. Может быть, у меня в голове что-то сломано. – Кир глубоко вздохнул.

Игнат Витальевич промолчал, не зная что ответить ребенку. Он нагнулся вперед и положил руку мальчику на плечо, стараясь подобрать хоть какие-то слова. Но что человеку, который почти ничего не чувствует.

Неловкую паузу прервал закипевший чайник. Кир разлил по кружкам кипяток и добавил заварки.

– Так учителя. Что они хотели то? – Приштин аккуратно насыпал в чашку две ложки сахара и размешал.

– Они хотели вызвать маму в школу. Просто я почти не

отвечаю на уроках у доски. Пишу всегда все правильно. Но у доски мне страшно. Я боюсь. Слишком много внимания. И не могу рассказать.

– Ты не можешь рассказать, но знаешь эти предметы?

– Да, я еще пару лет назад прочитал всю школьную программу. Скучно. Почти ничего интересного. И полезного.

– Ты прочитал пару лет назад и до сих помнишь? – Мужчина сделал пару осторожных глотков.

– Да. Я, почему-то, все легко запоминаю. Могу повторить все, что когда-то видел и читал. – Кир достал из вазы овсяное печенье и надкусил.

– У тебя фотографическая память?

– Наверное. Но я понимаю, что это не нормально. Ну, то есть, необычно. И у простых людей такого нет, и скрываю это.

– А зачем тебе реактор? Как ты его там называешь? «Лимон»? – Игнат Витальевич тоже взял печенье.

– Когда маме стало плохо, за все в доме начал платить я. Она перестала работать, хорошо, что пенсию получала. А денег на все не хватало очень. Больше всего уходит на газ, электричество, дрова. – Кир с серьезным видом перечислял коммунальные расходы, и Игнату Витальевичу на секунду показалось, что он говорит со взрослым мужчиной. – Я решил придумать что-нибудь, что бы энергия была своя, что бы и дом топить, и обогревать. Когда был маленьким, часто мастерил всякие батарейки из картошки, из лимона, просто

интересно было. Ну и реактор тоже же, как батарейка, и я сам её сделаю, поэтому и назвал «Лимон». Только сейчас время очень поджимает, "Лимон" уже не прихоть, а необходимость.

– Это почему?

Кир поднял глаза и пристально посмотрел.

– Вы не подумаете, что я сошел с ума? Не отправите меня в больницу?

– Кир, я поймал тебя за кражей на заводе, а теперь сижу и пью чай, у тебя дома. Сам подумай.

Довод удовлетворил мальчика, и он решил раскрыть все карты.

– У меня иногда бывают видения.

– Что ты имеешь в виду под видениями?

– Я как будто теряю сознание, а потом вижу события.

Обычно они сбываются.

– Ты ясновидящий? – Игнат Витальевич откинулся на стуле и обхватил голову двумя руками. – Мальчик гений без эмоций, да еще и ясновидящий, с каждой минутой все сложнее поверить.

– Я бы так не сказал. Видения приходят сами по себе. Я их не контролирую. – Про старуху Кир решил умолчать. – И недавно было видение, в котором я увидел наш район, охваченный сильным морозом.

– Насколько сильным?

– Сегодня выпал снег, а так рано он еще не выпадал.

Обычно только через месяц.

– Тут ты прав. Так насколько сильный мороз ты увидел?

– Я точно не знаю, сколько там было. Но я видел наше село. Безлюдное и опустевшее. Очень много снега, почти по пояс, и все замерзло. Дома, магазины, электрические провода. Холодно настолько, что даже деревья промерзли и рассыпались, как стеклянные.

– Понятно. Ладно, ты уже очень много рассказал. Но единственное, что заставит в это все поверить, это твой ре-актор. Покажешь?

Кир опять внимательно посмотрел на Игната Витальевича, помолчал секунд десять и ответил.

– Да покажу.

Снег все продолжал идти. Слой белого покрывала уже скрыл под собой все неровности двора и резиновые калоши полностью увязали в нем. Пока Кир с Игнатом Витальевичем дошли до замаскированной лаборатории, снег успел попасть внутрь обуви и растаять, напомнив вчерашнюю прогулку под дождем. Приштин скептически осмотрел большой сарай и хмыкнул себе под нос. Лесной не обратил на это внимания, просто открыл дверь и включил свет.

– Ничего себе! – Только и произнес Игнат Витальевич после того, как лампы осветили нутро лаборатории. – Ты сам все это сделал?

– Здание уже было. Я его немного переделал. Утеплить стены. Провел электричество. И потихоньку приносил сюда все,

что находил.

Игнат Витальевич обратил внимание, что почти вся мебель и стены собраны из частей, которые вполне мог поднять и принести ребенок, но все сделано очень аккуратно и кропотливо.

Прошли вглубь помещения, Приштин увидел реактор, отгороженный барьерами и оплетенный связками проводов, и вообще потерял дар речи.

– Вот и «Лимон». – Кир подошел к импровизированному пульту управления. – Я только прямо сейчас его запустить не смогу. Надо дать накопиться энергии, что бы сгенерировать стартовый пучок плазмы.

– Этого не может быть! Это просто невероятно! – Игнат Витальевич потерял былую сдержанность, перелез через ограждающий барьер и начал кружиться вокруг реактора, трогая и рассматривая. – Магнитные ловушки для потока частиц, противорадиационные экраны. Плазменный стартер. Как? Как ты все это сделал? Где ты взял материалы?

– Что-то нашел на свалках, что-то на заброшенных заводах. Что-то пришлось купить. По-разному. – Кир смотрел на мужчину абсолютно спокойно. Для него «Лимон» был чем-то обычным и заурядным. – Вот только с топливом для реактора проблема. Я сразу пробовал безнейтронные реакции. В других большая потеря энергии, реактор надо сильнее защищать, да и поток направленной радиации. Перебрал разные варианты гелия и лития, но не смог получить стабиль-

ной реакции.

– С ума сойти. Преобразователи энергии. Выходные трансформаторы. Как я понимаю, на десять киловольт?

– Да. Думал потом собрать еще понижающий трансформатор, до стандартного напряжения. Но пока надобности нет, сначала необходимо добиться стабильной работы.

Игнат Витальевич почти не слушал ребенка. Он внимательно рассматривает реактор, понимая, что перед ним не муляж, не игрушка, а вполне рабочий экземпляр. Мальчишка внес в конструкцию правки, которые сильно упростили его строение, уменьшили размер и потребление энергии для старта. Осмотрев «Лимон» со всех сторон, Приштин вернулся к мальчику, присел перед ним, обхватив за плечи обеими руками.

– Кир, ты понимаешь, что ты сделал? – Глаза Игната Витальевича сияют от возбуждения.

– Реактор построил. – Кир посмотрел на свое детище и опять на мужчину.

– Это революция в мировой энергетике! Это продвинет прогресс на сотню лет вперед! Ты понимаешь, что теперь не нужно строить дорогущие ГЭС И ТЭЦ! Ядерные электростанции станут атавизмом прошлого! Теперь энергия станет стоить копейки! Ты слышишь, копейки! – Приштин поднялся на ноги и начал ходить кругами по лаборатории. – Так, что у нас есть? Нам нужно вещество, что бы запустить его. Сегодня я его достать не смогу, но завтра, обещаю, мы это

сделаем!

– Вы дадите мне топливо для реакции?

– Ты шутишь? Я готов сюда вагон его привезти! Ты просто сам еще не понимаешь, что ты сделал! – Игнат Витальевич подошел к мальчику. – Ты просто маленький Эйнштейн и Тесла вместе взятые! Так, пойдём в дом, придумаем, чем нам заняться сегодня.

Зайдя в дом, Приштин даже не снял пальто, начал ходить по всей кухне и что-то записывать в небольшой блокнот.

– Так, смотри. Завтра я приеду с утра и мы продолжим твои эксперименты. Сколько нужно времени для старта реактора?

– Часа два обычно. Я это делаю или ночью, когда все спят, или днем, когда все на работе. Так точно не сгорит трансформатор, и люди не заметят просадки по напряжению.

– Хорошо, я приеду к полудню, только выберусь с завода, вместе с веществом. Ты заранее все подготовь, чтобы мы не теряли время. Нужно еще что-нибудь для работы?

– Нет. Вроде все есть. – Кир пожал плечами.

– Так, а продукты, лекарства, может что-то нужно твоей маме? – Игнат Витальевич открыл холодильник и посмотрел на содержимое. – Не густо, не густо. Что ты любишь из еды, сладкое, газировку, чипсы?

– Вы забыли. Я не знаю, что такое любить. Для меня еда, это просто еда. Мне обычно все равно, что кушать. – Кир чуть приподнял голову, задумавшись. – Мама, наверное, ту-

шенку любит. Она лучше ест макароны, когда они с тушенкой.

– Хорошо. Но кушать нормально все равно надо. У тебя тут ни овощей, ни мяса нормального. Тебе витамины нужны, белки, что бы расти нормально. Ладно, разберемся. Я сейчас поеду в город, а ты пока будь дома, никуда не ходи. Телефон у вас есть?

– Нет, раньше был. Потом отключили. Я не платил, так как звонить не кому.

– А есть откуда позвонить, если что?

– Только до почты идти, в магазине могут дать позвонить с городского. Еще таксофон в центре, у клуба.

– Хорошо. – Игнат Витальевич быстро написал свой номер на листке блокнота, вырвал его и протянул. – Вот. Если что, звони. Но еще раз говорю: никуда не ходи сегодня, про реактор молчи. Люди не всегда хорошие, так что лучше пока об этом будем знать только мы.

Приштин потрепал мальчика по волосам и быстрым шагом вышел на улицу. Из-за забора послышался звук заведенной машины и скрип шин по снегу, слой которого увеличился еще сильнее. Кир проводил взглядом марево красных габаритных огней в пелене снега и поежился. Температура уже начала падать. Термометр на стенке крыльца показывает минус пять. Такой температуры в ноябре еще не бывало. Очень редко, в середине зимы красный столбик опускался так низко. А такого снега не было ни разу. Ноги в галошах уже пол-

ностью скрылись под белым покровом.

Мама все так же сидит возле телевизора, ни посторонние люди дома, ни разговоры, не вызвали никакой реакции. На экране мужчина в теплой куртке, с красными от мороза щеками, ведет репортаж из районного центра.

– Небывалый холодный фронт властвует на юге России. За сутки толщина снежного покрова достигла месячной нормы. Температура упала до рекордных значений. Коммунальные службы бьют тревогу. Парк автотехники не рассчитан на такие погодные явления и не справляется с объемом работы. Автовладельцы бросают машины на улицах и предпочитают передвигаться пешком, дороги занесены снегом и на них уже образуются крупные пробки. А теперь я передаю слово начальнику коммунально-жилищного хозяйства.

– У города не хватает ресурсов, чтобы бороться с таким количеством снега. – Полный мужчина в кожаном пальто с меховым воротником выглядит очень обеспокоенно. – Улицы уже встали. Я не говорю о периферии. Сельские дороги чистить нет вообще никакой возможности. Завтра люди не смогут попасть на работу, дети в школы, вызов скорой помощи будет затруднен. Большой проблемой является то, что коммуникации в жилых домах и частном секторе не рассчитаны на такие температуры, и если показатель упадет еще ниже, то люди могут остаться без воды, а то и без тепла и света.

Кир подошёл к телевизору и переключил канал. Он без

репортеров и чиновников знает, чем грозит такая погода. Он видел, чем это все обернется. И понимает, что времени у них совсем не осталось.

До обеда Кир занимался домашними делами. Наколот дров и натаскал их домой. Приготовил макароны по-флотски. Двор от снега чистил два раза, и все равно к полудню все тропинки опять засыпало. Снег идет настолько плотно, что не видно даже дома на другой стороне улицы. Падение температуры остановилось, но это временно.

Ближе к часу дня Лесной услышал сигнал автомобиля у ворот. Возле калитки стоит водитель Игната Витальевича с двумя большими пакетами. Кир пропустил его в дом, мужчина оставил принесенное и спешно уехал. Один пакет забит продуктами: колбаса, сыр, свежие овощи и фрукты, сок и молоко, несколько упаковок разных конфет. Во втором пакете лежат новые вещи, ботинки, куртка, пара теплых свитеров. Мальчик загрузил продукты в холодильник, который стал выглядеть непривычно полным. Вещи разложил на диван, но даже не стал их примерять. Ему показалось, что он возьмет чье-то чужое, на что не имеет права. Вещи и продукты никто им не покупал уже очень давно, и Лесной совсем забыл, что значит подарок.

– Хорошие ботиночки то! Твои совсем уже истаскались. – Послышался старческий голос из кухни.

Кир совершенно спокойно вошел в комнату, и посмотрел

на старуху, жующую печенью.

– Я же тебе говорила: смотреть надо проще, то, что ты ищешь, у тебя под носом. – Пальцы старухи синие от мороза, телогрейку и волосы покрывает полурастаявшие кристаллики снега. – А Игнат то, каков, а?! Мало того что милиции тебя не сдал, так еще харчей и одежды прикупил. еще- Я же тебе говорила: смотреть надо проще, то, что ты ищешь, у тебя под носом. – Пальцы старухи синие от мороза, телогрейку и волосы покрывает полурастаявшие кристаллики снега. – А Игнат то, каков, а?! Мало того что милиции тебя не сдал, так еще харчей и одежды прикупил.

Кир оперся плечом на дверной косяк и скрестил руки на груди.

– Ну что ты на меня так зыркаешь? Это я на тебя так должна смотреть. Ишь, нашел себе собеседника. – Старуха нервно вскинула руки в воздух. – А я теперь что, на помойку что ль, как ненужная вещь?

Мальчик развернулся и вышел из комнаты, оставив собеседницу одну. Вещи так и лежали разложенные на диване, с бирками и запахом магазина.

Глава 4

К ночи метель только усилилась, и Кир начал переживать, что Игнат Витальевич не доберется завтра из города. Если снегопад продолжится с такой же интенсивностью, то коммунальщики просто не смогут расчистить горные дороги, и закроют перевал. Пару раз моргал свет, Лесной предусмотрительно достал свечи и поставил в фонари свежие батареи. Мама легла спать очень рано, начала клевать носом еще до вечернего выпуска новостей, и он отвел ее в спальню.

Лаборатория встретила привычным гулом зажжённых ламп, словно мурлыкающий кот, радостно встречающий хозяина. «Лимон» стоит у дальней стены, поблескивая магнитами и ожидая своего часа. Кир подошел ближе и приложил руку к прохладной металлической поверхности. Каждая деталь этого реактора, каждый провод и каждый элемент установлены и собраны лично им, Кир может по памяти нарисовать всю конструкцию с точностью до сантиметра. Вот так банальное любопытство выросло в возможность спасти не одну жизнь.

Усевшись за рабочий стол, Кир еще несколько раз просчитал реакцию с новым элементом и убедился почти в сто процентной вероятности запуска работы реактора в теории. Осталось реализовать на практике. Несколько раз проверил все пусковые устройства, защитный контур, уловители. Удо-

стоверившись в готовности к завтрашнему пуску, отправился спать.

Утром по привычке проснулся в шесть ровно. Спешно поел, не забыв усадить маму и подвинуть ей тарелку с бутербродами из ароматной копченой колбасы с сыром, подарок Приштина. Позавтракав, тут же отправился в лабораторию. Что бы добраться до заветного сарая, пришлось изрядно поработать лопатой – снега насыпало уже почти до колена. Запустив преобразователи, Кир выходил на улицу каждые пять минут, боясь не услышать, когда приедет Игнат Витальевич. Приштин приехал позже обещанного, ближе к пяти, на улице уже начало смеркаться. Большой серый внедорожник остановился чуть ниже по улице. Мужчина в этот раз одет совсем по-простому: джинсы, зимние высокие ботинки, теплый пуховик и черная вязаная шапка. В руках он тащит две увесистые спортивные сумки.

– Привет! Дорога очень сложная, пришлось задержаться. Сразу пойдем работать? – Игнат Витальевич решил не терять время.

– Здравствуйте. Я уже все подготовил. – Кир попытался взять одну сумку, Но мужчина показал, что донесет сам.

В лаборатории Приштин снял пуховик и достал из сумки два плотных комбинезона из специальной ткани.

– Смотри, что я нам раздобыл. Жаропрочные, с защитой от электричества и радиации. Я понимаю, что тут ее почти нет, но лучше перестраховаться. Бережёного Бог бережет,

как говорить.

Комбинезон оказался великоват, и пах смесью пота и резины. Пришлось подвязывать его на манжетах и голенищах специальным скотчем. Еще раз проверив аппаратуру перед стартом, Кир заменил топливо для реакции.

– Ну что, запустим? – Игнат Витальевич очень взбудоражен и сгорает от нетерпения.

– Давайте. Преобразователи готовы.

– Тогда я пойду к пульту и начну контрольный отсчет, а ты проверяй реакцию.

Кир согласно кивнул и занял место у прибора, контролирующего ход термоядерной реакции. Игнат Витальевич встал у пульта, положил руку на клавишу пуска.

– Десять! Девять! Восемь! Семь!

Щелчок и темнота. Гул преобразователей смолк, и в лаборатории воцарилась полная тишина.

– Черт! Это еще что?

Кир наощупь, по памяти, добрался до верстака и взял заранее приготовленный фонарь. Луч света выхватил раздраженное лицо Приштина.

– Наверное, во всем поселке выключили. Вчера свет уже моргал, такое бывает.

– Вот же ж. У тебя нет резервного питания? Хотя о чем я спрашиваю. Где ты говорил у вас телефон? – Игнат Витальевич подошел к Лесному и взял у него из рук фонарь.

– Ближе всего до таксофона. Это через несколько улиц

отсюда.

– Тогда поехали. – Мужчина уже стянул с себя комбинезон и начал надевать куртку.

Выйдя из лаборатории, попали под усилившийся снегопад, к которому прибавились порывы ледяного ветра. Температура значительно упала, пальцы на руках окоченели почти сразу, ноздри начинало колоть морозом.

Добравшись до джипа, залезли в успевший порядочно остыть салон. Кожаные сидения холодили ноги даже через штаны и Кир быстро промерз. Утробно заурчал дизель и внедорожник, перевалив через высокий сугроб, покатился по заснеженной дороге. Кир прилип к окну, рассматривая погруженные во мрак жилые дома. Все, уже началось. Света нет почти нигде. Лишь в некоторых домах алеют огоньки свечей, и разливается холодный свет фонариков. Машины побросали вдоль обочин, так как по дороге проехать могли только машины с высоким клиренсом, а таких в селе мало. Пешеходов нет, да и кто пойдет на улицу в такую метель. До таксофона ехали минут десять, хоть обычно такая дорога занимает минуты три.

Игнат Витальевич открыл бардачок, достал пригоршню железных монет и направился к телефонной будке. Кир пересел на водительское сидение и приоткрыл окно, стараясь уловить разговор.

– Да дома у меня стоит. Возьми прицеп на работе. Скажи, я попросил. Да понял я, что закрыли, бери трактор или гру-

зовик. Пропустят, денег дай если что. Да «газон» залезет в перевал, пока еще залезет. Нужно как можно быстрее. И запас горючки возьми. Быстрее!

Когда Игнат Витальевич повесил трубку, Кир спешно вернулся на свое место и сделал вид, что ничего не слышал.

– Скоро нам привезут генератор. Думаю, нам хватит мощности запустить реакцию, генератор хороший, мощный. Поехали, пока в магазин заедем.

Вывернув на центральную улицу села, проехали до скопления магазинов. В продуктовом горит свет. Слышно, как за зданием тархтит небольшой дизель-генератор. В помещении магазина довольнолюдно. Пахнет холодом, пивным перегаром и свежим хлебом. Возле кассы очередь, скупают не глядя продукты впрок, сметая все с полок, разбирают свечи, батарейки и спички. Несколько мужчин стоят чуть поодаль, возле высокого столика, где обычно местные забулдыги распивают разливное пиво. Они пьют исходящий паром чай из пластиковых стаканчиков, согревая красные от мороза руки, и что-то обсуждают. На куртке одного из мужчин еле читается выцветшая от времени надпись «Электросети». Игнат Витальевич сначала занял очередь к кассе, но потом направился к разговаривающим у столика. Кир остался ждать его у входа.

– Добрый день, уважаемые.

– Да какой он уже тут добрый. – Седой работяга, с мозолистыми руками осторожно отхлебнул из стаканчика и с шу-

мом вдохнул через зубы.

– Непогода?

– Да будь она не ладна. Я за всю жизнь тут такого мороза не припомню. – Присоединился к разговору человек в куртке работника электросетей.

– Вы из аварийной службы? – Игнат Витальевич встал вплотную к столику.

– А вам то что?

– Да просто, хотел узнать, надолго ли свет выключили? А то в «Энергосбыт» не дозвонится.

– Да работаем. Как сделаем, так и будет свет. – Нехотя бросил работник, и вернулся к своему чаю.

– А если по секрету? – Игнат Витальевич положил на стол купюру и пододвинул ее к мужчине.

Тот, осмотревшись по сторонам, сжал банкноту в кулак, и заговорщицки наклонился к собеседнику.

– Надолго вырубили. По линии почти двадцать обрывов. Ко многим аварийным участкам доступ закрыт, снега навалило. Вертолетом не добраться, погода не летная, да и вертушка всего одна на весь район. В одном месте делаем, в другом рвется. Не рассчитаны наши линии на такой мороз. ЛЭП тянули под конец совка, как все тогда делалось, на авось. А мы теперь корячься, чини. Если снег так и продолжит валить, то вообще не знаю. Короче, мужик, запасайся дровами и свечками. – Закончив, ремонтник громко отхлебнул.

– А подстанция тут далеко?

– Да нет, на Подгорной. Через несколько улиц. А тебе за чем?

– Просто, из любопытства.

Закончив разговор, Игнат Витальевич взял Кира под руку, и они быстро направились к машине. Через несколько минут джип, скрипнув колесами по снегу, остановился у таксофона. Приштин быстрым шагом направился к телефону.

– Еще не уехал? Хорошо. Возьми силовой кабель. Как где, на предприятии. Скажи, я приказал, потом приеду, разберусь. Бухту возьми. Только давай быстрее, а то точно в перевал не залезешь.

Забравшись обратно на водительское сидение внедорожника, Игнат Витальевич потер замерзшие руки.

– Ну, теперь нам остается только ждать. От вашего дома до Подгорной, сколько примерно?

– Если по улице то метров двести. Если через дворы, то метров пятьдесят. – Кир уже почти догадался, к чему задает эти вопросы Игнат Витальевич.

– Замечательно. Тогда дотянем. А ты был прав, со своим видением. Чертовски прав... – Мужчина многозначительно посмотрел на ребенка. – Больше пока ничего не видел?

– Больше нет. Мы же сможем подключить «Лимон», что бы электричество было у всех?

– Сможем, сможем, Прометей маленький, не переживай. – Игнат Витальевич переключил передачу и они медленно поехали в сторону дома.

На улицах села никого не видно. Свет фар отражается в окнах домов, уже частично засыпанных снегом. Во дворах уже не чистят подходы к калиткам, в темноте этим заниматься несподручно. Кир опять вспомнил свое видение, только теперь почти то же самое он видит на улице. Но пока еще самое начало, он может что-то предпринять, как-то помочь. Дать людям так нужное электричество, которое зажжет свет, разогреет обогреватели, подогреет еду. Мальчик еще раз посмотрел на мужчину. Игнат Витальевич держит руль одной рукой, другую положил на ручку переключения передач. Мудрые сосредоточенные глаза внимательно смотрят на дорогу. Почему-то сейчас, сидя в машине с этим человеком, страх не одолевает его, наоборот, ушел, уступив место уверенности в том, что все получится.

В доме тепло, пахнет горящим деревом из печки. Мама уснула на диване перед телевизором, обычно она принимала темноту как сигнал ко сну, и выключение света сработало на нее как снотворное. Кир прошел в зал, осветив себе путь фонариком, и пригласил Игната Витальевича за собой. Приштин зашел следом и увидел лежащие на диване вещи.

– Не понравилось? – Он указал рукой на сложенные в стопку подарки.

Кир вопросительно посмотрел на него.

– А точно, извини, забыл. Может размер не твой?

– Я не мерял. – Лесной сел на диван.

– Почему? – Игнат Витальевич опустил рядом и взял в

руки стопку.

– Не знаю. Это как то не правильно, наверное. Мне никто ни когда не дарил ничего. Я же вам за это буду должен. Вы же потратили деньги.

– Это подарок. Ты создал для человечества просто спасительное сокровище, и это лишь мелочь, которой я могу тебя за это отблагодарить. Ты сам пока еще этого не понимаешь масштаб своего изобретения. Так что не придумывай, надевай. – Он протянул Киру вязаный свитер, серый с белыми полосами.

Лесной неуверенно взял подарок и, сняв свою старую кофту, натянул его через голову. Шерсть затрещала от статического электричества и чуть щелкнула по носу разрядом. Приятно запахло озоном и новой одеждой. Размер то, что надо. Кир поднял и опустил руки, пригладил свитер по бокам. Очень тепло и удобно.

– Спасибо. – Кир захотел как-то отблагодарить, показать ту эмоцию, которую от него ждут, что ему понравилось, но изображать чувства у него никогда не получалось.

– Хорошо, что тебе подошло. Не старайся, я помню про твои чувства. – Игнат Витальевич похлопал мальчика по плечу. – Может, перекусим, пока ждем Мишу?

Кое-как разогрев на печке чайник, накрыли на стол и принялись за еду. Кушали почти молча. Кир смотрел на стол, впервые в жизни видел такое разнообразие на своем столе: сыр в разном виде, и твердый, и плавленый и "косич-

ка", колбаса вареная, копченая, какой-то паштет в консервной банке, пряники, печенье "молочное", баранки. Много из этого он пробовал впервые. Игнат Витальевич сам собирал некоторые бутерброды и протягивал их ребенку.

Миша приехал уже ближе к ночи. Бортовой Газ с небольшим прицепом, остановился у ворот, заливая весь дом через окна светом фар.

– Подожди меня тут. Я скоро вернусь. – Игнат Витальевич накинул куртку и вышел на улицу.

Кир прильнул к окну и посмотрел, что происходит перед домом. Приштин недолго поговорил со своим водителем, затем они обменялись ключами и Миша уехал на внедорожнике.

– У вас ворота открываются? – Игнат Витальевич приоткрыл дверь из прихожей, тут же по дому потянуло морозом и запахом снега.

– Да, конечно, ключи справа от вас на гвозде висят.

– Хорошо. – Приштин повернул голову, взял ключи и вышел обратно. Через минуту послышалось шарканье снегоуборочной лопаты.

Кир быстро натянул куртку и выбежал во двор. Игнат Витальевич, открыв ворота, расчищал дорогу для грузовика к лаборатории. Мальчик схватил вторую лопату и принялся помогать. Мороз сильно крепчал, столбик термометра уже перевалил за минус пятнадцать и продолжил стремительно опускаться. Пар вырывался из легких большими клубами и

затруднял и без того плохую видимость. Через полчаса активной работы грузовик, тарахтя двигателем, въехал за ворота и, развернувшись, сдал задом к сараю. В прицепе виднеется массивная, больше метра в диаметре, деревянная катушка с кабелем. Игнат Витальевич запрыгнул в кузов, и, стянув брезент, завел генератор.

– Где у тебя тут распределительный щит?

Кир указал на боковую стенку сарая, на серый металлический ящик с подходящими к нему проводами. Приштин подтянул к щитку провода от генератора и уже через несколько минут в лаборатории зажегся свет.

– Пошли готовиться. Я не думаю, что генератор выдержит много попыток, так что постараемся сделать все как можно быстрее.

Комбинезоны успели изрядно промерзнуть в выставленной лаборатории, став более жесткими и неудобными. Кир затянул манжеты и голенища скотчем, подул в озябшие руки и направился к реактору.

«Проверить преобразователи. Протестировать работу магнитного контура. Проверить работу аварийного выключателя. Проверить работу вакуумной камеры. Ошибаться нельзя. Слишком много зависит от меня».

Страх тонкими нитями начал пробираться в живот. Кир понимал, что в случае ошибки, и не способности правильной работы реактора, их село будет обречено.

Игнат Витальевич постоянно выходил на улицу к грузови-

ку и проверял генератор, при этом следя за шкалой преобразователей. Кир подошел к верстаку, взял журнал проверки, включил на своем магнитофоне привычную музыку и начал обходить реактор.

Вернувшись очередной раз с улицы, мужчина прислушался к электронным мелодиям, наполнявшим лабораторию и придававшим всему происходящему легкий фантастический налет, чуть улыбнулся и вышел обратно. Кир постепенно обошел все узлы и блоки реактора, тщательно проверив, и отметив в журнале галочкой. Шкала преобразователей уже показывала девяносто пять процентов, не успели полностью разрядиться после прошлого неудавшегося старта.

– Ну что, почти готово? – Игнат Витальевич подошел сзади и положил руку на плечо ребенка. Его ладонь передавала дрожь его тела. Мужчина сильно взволнован.

– Да, ректор готов к запуску. Шансы на успешный старт очень велики. – Кир еще раз пробежался глазами по журналу.

– Шансы... – усмехнулся Игнат Витальевич. Ему все чаще казалось, что он говорит со взрослым человеком в теле ребенка, слишком спокойным и мудрым он выглядит.

Раздался щелчок и шкала загорелась приятным янтарным цветом. Полный заряд – можно начинать.

Лесной подошел к пульту контроля реакции, а мужчина занял место у управления стартом.

– Ну, ни пуха как говорится! Десять! – Голос Игната Ви-

тальевича сильно дрожал.

– Девять!

– Восемь! – Кир откачал воздух из вакуумной камеры.

– Семь!

– Шесть! – Загудели магнитные ловушки.

– Пять!

– Четыре! – Подали первичное напряжение во внутренний контур.

– Три!

– Два!

– Один!

Клавиша старта утопает в панели. Яркая искра и в вакуумной камере зарождается облако плазмы колоссальной температуры, способной расплавить металл одним прикосновением. Тут же в действие включаются магнитные ловушки, удерживая плазму на безопасном расстоянии от контуров реактора. Протоны, под воздействием температуры, набирают скорость, необходимую для начала термоядерной реакции и бомбардируют вещество. Из вещества образуются изотопы гелия и титаническое количество чистой энергии. Дальше в дело включается главная особенность «Лимона» – устройство, преобразующее термоядерную энергию в электричество. Игнат Витальевич так до конца и не понял его принцип работы, но показатели напряжения на выходе из преобразователя подскочили до отметки в десять тысяч вольт.

– Да! Да! Он работает! – Приштин подбежал к Киру и ра-

достно потряс его за плечи. – Ты гений! Слышишь! Ты просто самородок! Он реально работает!

Лесной немного испугался такой радостной реакции и чуть-чуть отстранился.

– Да, я же говорил, что он заработает. Я знал это. – Кир повернулся и посмотрел на свое детище, гудящее на всю лабораторию. – Только теперь надо подумать, как дать людям эту энергию.

– Я уже все продумал! Скоро твое электричество будет тут в каждом доме! Еще совсем чуть-чуть! – Игнат Витальевич поднялся на ноги и начал спешно снимать комбинезон. – Сколько реактор может находиться в таком режиме?

– Судя по моим расчётам, около получаса. Потом, без выхода энергии, начнется перегрев преобразующего устройства и придется выключить.

– Хорошо. Полчаса вполне достаточно! Я скоро вернусь. – Приштин надел куртку, его щеки горят от переполнявших эмоций. – Я до последнего не верил, что все заработает!

Через секунду Кир остался в лаборатории один. Он прошел вокруг «Лимона», проверил показатели и убедился в том, что реакция стабильная и температура контура не поднимается выше нормы. Посмотрев на верстак, увидел принесенные им с утра бутерброды и, забравшись на стул, взял один в руки. Привычно захрустел на зубах сахарный песок, наполнив рот сладким вкусом. Теперь можно немного расслабиться, он закончил то, над чем работал больше двух лет.

И сейчас у того, что когда-то появилось в результате простого интереса, есть предназначение. Его устройство может спасти не один десяток жизней. Дальнейшие перспективы «Лимона» Кира не сильно интересовали, даже немного пугали, он понимал, что это привлечет внимание всего человечества. Внимание, которое он старается избегать всю свою жизнь.

«Что бы сказал папа, узнав, что я смог сделать «Лимон»? Наверное, он вел бы себя так же, как и Игнат Витальевич. Это, наверное, радость. Может, если он узнает, он вернется к нам. Узнает и поймет, что сын вовсе не такой, как все, и что он может делать что-то хорошее и полезное... А может ему будет все равно. Может, он ушел от нас не потому что, я такой, а потому что просто не захотел быть с мамой. Возможно, мне лучше об этом не знать. Пусть он остаётся там, где он есть. Сейчас все идет так, как должно быть. Я уже спокойно живу без него, мама вряд ли станет нормальной. Теперь жить станет проще, больше не нужно оплачивать электричество. Да и газ особо не нужен. Это большая экономия. Я смог, я справился. Я уже не тот ребенок, которому нужен отец».

– Смотри ка ты, запустил. – Оторвала Кира от размышлений старуха. Она стоит рядом, глядя одной рукой сидящего на столе зверька, а в другой держа надкушенный цитрус. – Я-то думала, сдашься.

Кир, как всегда, молча посмотрел на бабушку и продолжил жевать бутерброд. Несколько минут они молчали, Кир, старуха и горностаи. Молчали и смотрели на небольшой тер-

моядерный реактор, который работает в сарае. Их обволакивает мерный гул преобразователей и электронный эмбиент Клауса Шульце, льющийся из колонок магнитофона. Они молчат и мерно шевелят челюстями, поглощая свою еду.

– Я кстати к маме твоей заходила. – Нарушила безмолвность бабка. – Спит как ребенок.

Лесной кинул пренебрежительный взгляд на старуху.

– Что косишься? Должен же за ней кто-то присматривать, пока ты тут Курчатова из себя строишь. – Бабушка доела лимон, оставив небольшой кусок корочки, который протянула зверьку. – Скучно тут с тобой, пойду дел еще невпроворот.

Когда она открыла дверь, что бы выйти, навстречу ей шагнул Игнат Витальевич, и просто прошел сквозь старуху, даже не увидев ее.

– Все готово. Еще минут двадцать, и мы дадим электричество. Там гости во дворе, ты не пугайся, это я их позвал.

Возле грузовика крутятся трое мужчин в спецовках «Электросетей». В одном из них Кир узнал посетителя магазина, с которым Игнат Витальевич разговаривал. Работники опрессовывают концы силового кабеля частично отмотанного от бухты. Закончив с этим, они протянули контакты к стене сарая. Кир показал, где можно их ввести внутрь, но самих рабочих в лабораторию не пустил. Подключать кабель к реактору пришлось Игнату Витальевичу. Остальные работники выехали со двора на грузовике Пришитна и медленно поехали через дворы в сторону подстанции, разматывая бухту

с кабелем.

– Игнат Витальевич. – Кир чуть испуганно подошел к мужчине, который смотрел в след удаляющемуся грузовику.

– Да, что-то случилось?

– Нет, просто хотел спросить. Нам обязательно всем рассказывать про «Лимон»?

– В смысле? – Брови Приштина удивленно взлетели вверх.

– Мы не можем просто давать людям энергию? Не рассказывая про «Лимон» и то, что мы его построили?

– Мальчик мой. – Игнат Витальевич опустился рядом, что бы их глаза находились на одном уровне. – Ты даже еще не понимаешь, что ты сделал. И ты хочешь лишить человечество этого?

– Нет. Но я не хочу, что бы люди знали о «Лимоне»...

– Пойми, это теперь уже не только твое достояние, это уже достижение всего человечества. – Голос Приштина стал звучать чуть жестче.

– Но они не сделают всего, так как хотел я. Нужно делать по-другому. Сейчас рано раскрывать «Лимон». Мы можем просто помочь. Я даже знаю, что сказать. Откуда у нас электричество. Но не надо говорить о реакторе. Слишком много внимания. Лишнего и ненужного.

– Давай поговорим об этом позже. – Игнат Витальевич переменялся в лице, встал и прошелся по двору.

Кир решил оставить его одного и вернулся в лабораторию. «Лимон» продолжал мерно гудеть в глубине, на магни-

тофоне закончилась кассета, и теперь только шум реактора наполняет помещение. Мальчик посмотрел, как подключили силовую кабель. Опрессованные стальные контакты прикручены к соединениям болтами. Затертый и оцарапанный металл, массивные гайки, криво обрезанная изоляция. Все выглядит грубо и топорно на фоне самого реактора, словно оскорбляет и оскверняет его аккуратность и чистоту. Через несколько минут в лабораторию вошел Игнат Витальевич. Выглядит он хмуро, но Кир не обратил на это внимания.

– Кабель уже подключили на подстанции. Мы можем подавать напряжение. Сейчас проверим твой «Лимон» в действии.

Мальчик подошел к пульту и опустил рычаг. Раздался негромкий щелчок и лампы под потолком, потрескав стартером, загорелись. Выбежав на улицу, Кир увидел, что фонари на столбах залили сугробы оранжевым светом. В домах начались появляться светящиеся прямоугольники окон. Он не знал, что в такие моменты испытывают обычные люди, но точно понимал, что не страх. Сейчас во многих домах жильцы спокойно посмотрели на загоревшиеся лампочки, включившиеся телевизоры и с облегчением выдохнули. « – Ну, наконец-то сделали линию, а то так и сидели бы без света!» скажут многие, даже не подозревая, что по проводам течет энергия из маленького сарая. Что вольфрамовые нити лампочек раскалены энергией термоядерного синтеза, что кинескопы ТВ светятся благодаря одиннадцатилетнему мальчи-

ку, который построил у себя дома «Лимон».

Кир молча вернулся в лабораторию, Игнат Витальевич что-то делает возле реактора с угрюмым лицом, но Лесной, как всегда, не обратил на это внимания.

– О, ты вернулся. Проверь, пожалуйста, соединения кабеля, а то напряжение скачет. – Голос его звучит глухо и сосредоточенно.

Кир послушно кивнул и пошел к боковой стенке реактора. Отпрессованные концы кабеля блестят металлом, болты на местах, ни искр, ни следов подпалин, ни запаха сгоревшей обмотки все нормально. Мужская рука опустилась на плечо ребенка. Кир уже привык, что Игнат Витальевич часто брал его за плечи, возможно, он так проявлял свои чувства. Он часто видел такие же жесты по телевизору или читал об этом, только до сих пор не знал, как надо на них реагировать. На другое плечо опустилась вторая рука, и они медленно двинулись к шее. Кир почувствовал тяжесть. Тяжесть, налитую в эти большие и сильные ладони на его хрупких плечах. Он захотел повернуться и посмотреть на Игната Витальевича, но руки сомкнулись на шее и помешали. Лесной запрокинул голову и увидел только подбородок со свежей щетиной, мужчина не смотрел на него, он смотрел ровно перед собой, специально, чтобы не видеть глаза мальчика. Пальцы сжались сильнее. В гортани сильно закололо, Кир попытался сглотнуть, но не смог, пальцы Приштина слишком сильно давили на кадык. В ушах зашумело, перед глазами поплыли тем-

ные круги, он вцепился пальцами в ладони на горле, но не хватило сил сдвинуть их даже на миллиметр. Страх. Животный ужас пронзил все тело. Ноги подогнулись, но он остался на том же месте, повиснув на руках, сжимающих горло. Лесной попытался что-то сказать, но смог лишь захрипеть. Игнат Витальевич не издавал ни звука. Кир смотрел фильмы, много фильмов, и злодеи, перед тем как убить героя, говорили речь, где объясняли, почему они так поступают. Но Игнат Витальевич молчал, а то в том, что он пытается его убить, Лесной уже не сомневался. Кислорода в крови становилось все меньше, и мозг начал отключаться, звук гудения реактора приглушался, и Кир понял, что это все. Что сейчас он закроет глаза, и больше никогда их не откроет. Что это неизбежно. Страх отступил, и оставил после себя лишь холодное смирение. Кир отпустил руки и потерял сознание.

Больно. Первое, что он почувствовал это сильная боль в горле и на шее. Глотать почти невозможно, и воздух врывается в легкие с ужасным свистом и хрипом. И без того пересохшая гортань теперь просто горит от обезвоживания.

– Кир! Мальчик мой! – Голос, такой знакомый, такой теплый, такой успокаивающий, он его уже почти забыл и сделал усилие, что бы его вспомнить.

– Мама! – Мальчик открыл глаза и не поверил им.

Его мать сидит на коленях и держит его на руках. Из ее глаз текут слезы, из ее полных рассудка глаз. Игнат Виталье-

вич лежал рядом лицом в низ, с открытыми глазами, пустыми и безжизненными. Теперь в них нет того тепла и мудрости. Они смотрят в никуда с застывшими злобой и удивлением. Из-под волос с затылка, через все лицо и нос, на пол стекает бурая и густая кровь. Рядом с матерью стоит массивный стальной ключ, которым сам Игнат Витальевич крепил контакты кабеля к реактору. Одна из сторон ключа забрызгана рубиновыми каплями.

Мама плачет. Не так красиво как в кино, когда слезы двумя ровными ручьями текут вниз и срываются с нижнего края скулы, разбиваясь об грудь миллионами бриллиантов. Нет, она плачет навзрыд. Её глаза и нос покраснели, веки набухли, слезы намочили все нижние веки, она громко шмыгает носом, сбивая и без того неровное дыхание. Она плачет и шепчет одни и те же слова: «Кир, мальчик мой!»

Лесной собрал силы и поднялся, сев на колени рядом с матерью. Дышать все так же сложно, и голос звучит тихо и сипло.

– Мама, ты вернулась? Ты теперь тут, со мной? – Кир попробовал вытереть слезы со щеки, но лишь сильнее их размазал.

– Нет, не совсем, это ненадолго. Мне дали очень мало времени. – Мама гладит ребенка по лицу и волосам, продолжая плакать и всхлипывать.

– Но как, куда ты уходишь?!

– Я всегда тут, рядом с тобой, я где-то там внутри. Я все

вижу и слышу. Вижу, что ты для меня делаешь. Вижу, как ты заботишься. Но не могу ничего сделать. Я пыталась вернуться раньше.

– И ты опять уйдешь? – Кир не хотел, что бы мама ушла. Он столько раз хотел поговорить с ней, просто поговорить. Если она останется с ним, то жизнь станет совсем другой. Людям можно будет рассказать о "Лимоне". Мама сможет взять на себя все внимание. Она его защитит. Больше не надо будет бояться детского дома.

– Да, я должна. Это цена, которую я вынуждена заплатить. Которую мы вынуждены заплатить. – Мама взяла прядь волос сына и пригладила ее к другим волосам, продолжая плакать.

– Заплатить за что?

– За тебя. За то, что ты такой. Ты в самом начале своего пути и сделаешь еще очень многое. То, что ты построил, лишь начало. И за тобой всегда присматривают. – Слезы продолжали литься, белки глаз покраснели и покрылись сеточкой красных капилляров.

– Кто присматривает? Папа? Ты знаешь, где папа? – Кир задал главный для него вопрос, который терзал его уже много лет.

– У тебя нет папы. – Голос матери дрогнул чуть сильнее.

– Он нас бросил?

– Нет, его никогда и не было. Я никогда в жизни не была с мужчиной. Я не знаю, кто твой отец, высшие силы или воля

случая. Но ты только мой, и ты был рожден совершить великие дела. – После этих слов глаза матери подернулись волокой и она начала терять связную речь. Через несколько минут рядом с ним сидела все так же безжизненная кукла, но он знал, что она там. Там внутри, все видит и слышит. Она знает, что он делает. Она очень ценит его, и то какой он есть.

Кир накинул теплую куртку и вышел из лаборатории. Теперь он знает, что ему делать. Впервые в жизни у него появилась цель. Он уже придумал, как преподнести смерть Игната Петровича, понимает, как сделать, так что бы тот стал героем спасшим село, и что бы никто не понял, на что тот был готов ради присвоения «Лимона». Знает, как скрыть свой реактор. Пока скрыть. Люди еще не готовы к такому, когда они будут готовы, он даст им намного больше, чем просто реактор. А пока он останется простым странным мальчиком. Мальчиком, который построил «Лимон».

Кир идет по улице, освещенной его энергией, в сторону центра села, в милицию. Идет спокойно, не торопясь, разгребая ногами снег. А за его спиной у калитки стоит старуха. Один ее зрачок постоянно бегает по всей глазнице, второй пристально смотрит вслед уходящему мальчику. Он грызет оставшимися зубами лимон, самый любимый ее фрукт.